

BARBARA SZYDŁOWSKA-CEGŁOWA

MATERIAL FOLK CULTURE, OF THE POLABIAN TRIBE OF DRZE-
WIANIE (DRAVEN SLAVS) IN THE LIGHT OF LEXICAL
INVESTIGATIONS

Summary

The aim of the present work is a reconstruction of the material folk culture of the Polabian tribe of Drzewianie on the ground of remaining Polabian language relics dating back to the end of the 17th and the first half of the 18th century, i.e. from the last phase of that language existence. Ethnographic information obtained in that way has been treated of in 9 chapters.

1. Cultivation of the arable land. The means of tillage have been defined, as well as the tools used for this purpose and the respective draught animals. Further on, the following activities have been described: harvesting, bringing to the barn, threshing, cleaning and preserving corn. The analysis of vocabulary material has also supplied data about cultivation of vegetables, cereals, industrial plants, fruit and about the farming system applied by the Polabian Drzewianie tribe.

2. Breeding of domestic animals. It has been determined which animals formed part of the Polabian cattle raising and what was the role of particular animals in that system. It has been settled among other items that the Polabian Drzewianie had an organization of common shepherding and that their villages had common pasture grounds. Polabian language relics inform also about the equipment and customs of shepherds.

3. Getting and preparing food. The lexical analysis supplied detailed data about fishing, gathering and hunting, about preparing groats and flour, making fire, cooking meals, about their quantity, about meat, milk products and cereal consumption.

We have also information about animal fats, vegetable oil, baking pastry, drinks and kitchen utensils.

4. Working of raw materials. It has been settled what treatment was applied to wood, bark, osier, fibre, stone, clay and to other stuff. The material investigated has supplied us with particularly precious information on spinning and weaving; flax processing and bleaching as well as selling of woven linen has been described further on.

5. Architecture. In this chapter the author deals with building material, construction of roofs and elements of edifices. Stoves, dwelling accommodations, farm premises, Polabian fences and separate parts of the Polabian villages have also been discussed. Deliberations on the problem what was the type of buildings (Franconian or Saxon) on territories which formerly belonged to Polabian tribes conclude this chapter.

6. Garments. Here are described head - gears, man and woman out - door clothes, shirts, trousers, winter and bathing clothes. Material informing of gloves, stockings, children garments, handkerchiefs, all sorts of foot - wear and trinkets has been passed in review.

7. Furniture. The analysis of the vocabulary material supplied information about the furniture in a Polabian house. The chapter quotes also: cradles, furniture destined for the rest and for the hiding of household things, table, candles, lamps, mirrors and images of saints found in above mentioned Polabian houses.

8. Measures to maintain cleanliness. Hygienic measures among the Polabians were: washing, bathing, combing, hair cutting and shaving. Laundering, tidying up the room and fight against parasites have also found their reflection in the analysed Polabian vocabulary.

9. Transport and communication. The chapter deals with the Polabian roads, auxiliary means of pedestrian transport, means of transport and communication, draft and yoke animals, those serving for the transport and saddle horses, together with the description of the harness. Material giving indications on water communication means and of utensils like ladders and gang-planks has also been investigated.

The material culture of the Polabian tribe of Drzewianie has essentially a primitive, Slav character. The most intimate spheres of life remained up to the end almost immune to Germanization influence; on the other hand, those spheres of culture which had a more close contact with the German surroundings were the first to fall under such influence.

The prevalent quantity of the Slav words in the Polabian language belongs to the general Slav vocabulary, the Polabian vocabulary showing close links with the vocabulary of the Lechitic group. Polabian-Western-Slav and South-Slav connections have also been stated.

The Polabian language possessed a number of peculiar words which were specifically Polabian in respect of the construction or meaning of the words.

The ancient Slav element in the Polabian vocabulary concerning the material culture has also been analysed. Words of ancient Slav origin form 44 per cent or 2/5 of the vocabulary. The greatest amount of ancient Slav words has been stated in the domain of plant cultivation, animal breeding and maintaining of cleanliness, the smallest amount in the section of furniture and garments.

When speaking of adopted words their repartition is as follows: the total quantity of loan - words concerning material culture is 376, out of a whole amount of 1280 words, i.e. 29. 3 per cent.

The biggest quantity of adopted words is found in part concerning architecture, clothes and furniture (36 per cent in each item mentioned), next come transport and communication and food preparation, 34 per cent each. The smallest quantity of loan - words is stated in the part concerning the working of raw material — only 20 per cent; the working of osier and fibre proves to contain but 10 per cent of loan - words, whereas weaving is quite free of them; in agriculture 23 per cent of loan words have been discovered, whereas animal breeding and maintaining cleanliness revealed 24 per cent of loans each.

The struggle of the Polabian language against the German one can be observed in the still vivid Polabian-German vocabulary variants. There are 39 such variants in the material treated.

The grammatical category most easily yielding to Germanization proved to be nouns (up to 47 per cent), much more resistance show verbs (up to 33 per cent), the least quantity of foreign influence was found in the category of adverbs.

In the Polabian language the tendencies to assimilate foreign words were very strong. Out of 216 German words only 10 did not undergo flexion assimilation. Another way of foreign words assimilation was to provide them with Slav prefixes and suffixes. Further vitality manifestation of the Polabian language were replications taken from the German language, i.e. syntactic coupling formed on the German combination model, e.g. *gnújn vaidlái* „Mist-Gabel” dung fork, *pâtincě gorx* „Vogel-Wicken — bird vetch, etc.

The main source of loan-words was for the Polabian Slavs the Middle-Low- German language. From that period were originating 244 adopted words, 49 words come from later sources (from the Low-German language), 10 originated from the Middle-High-German and 2 from the Old-German language,

KAZIMIERZ POLAŃSKI

STATE OF RESEARCH ON THE POLABIAN LANGUAGE.

The first scientific attempt to deal with the Draveno-Polabian language was undertaken in the middle of the 19th century, mostly in the form of small dictionaries translated from the German. It was the work of

A. Hilferding „Pamjatniki jazyka zalabskich Drevljan i Glinjan” (Petersburg 1856). The next step was the work of A. Schleicher „Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache” (Petersburg, 1871), for many years the main source of researches on the Polabian language.

The real basis for the scientific treatment of the Polabian problem was supplied by the full collection of Polabian material published by R. Rost in his book „Sprachreste der Dravaeno-Polaben im Hannoverischen” (Leipzig 1907). At present studies on the Polabian language are steadily developing. The most important is Lehr-Splawiński's work „Polabian grammar” (Lwów 1929) and S. Trubiecki's „Polabische Studien” (Wien and Leipzig 1929).

Researches on the Polabian language have been for years concentrated in Poland. T. Lehr-Splawiński, T. Milewski, W. Kuraszekiewicz and others were occupied with phonetic problems. Articles on various subjects appeared in „Slavia Occidentalis”. In recent times lexicographical studies have taken the first place. New works continue to appear. The authors are carrying through a general analysis of different parts of grammar in connexion with the adequate conditions of life (B. Szydłowska-Ceglowa, J. Pilatowa, M. Radłowski, S. Reczek). For several years a complete vocabulary with critical corrections of Rost's publication has been in preparation. It is the joint work of T. Lehr-Splawiński and K. Polański. The first part from A-M will be shortly issued. While this work was advancing towards completion, it became manifest that there was still a great deal to be done in Polabian morphology and etymology. Derivations from the German had to be considered (K. Polański, Morphology of derivations, ready for the press). S. Reczek wrote on semantics of these derivations (Scientific publications of Wrocław University. No. 5 — 1957, pages 177-212).

The best work on Polabian phonetics was by J. Kuryłowicz — „Polabian accentuation” (Studies on Polish and Slavonic Philology” I. part, Warszawa 1955, pages 349-374). It did not solve all problems, on the contrary it raised all sort of doubts. There have been some theories evolved (Hirt, Lehr-Splawiński, Trubiecki, Kuryłowicz), on the Polabian accentuation, but this problem requests further philological and linguistic elaboration. What studies have we got to carry out in the domain of the Polabian language? Nearly the whole Polabian morphology must be worked over. Till now authors were rather dealing with phonetic and phonologic problems.

K. Polański is attempting to work on different elements of morphology (for instance: On the Polabian Morphology-Lingua Posnaniensis III. part, 1957, pages 154-167).

J. DAMBORSKI

ABOUT SOME COMMON LINGUAL FEATURES IN THE POMERANIAN
AND HANNACKIAN DIALECTS

Summary

In the grammars of Slav languages, forms of the type *pisal*, *robił* are described as past participles of the active voice (participium praeteriti activi II) Yet, they strictly differ from participles of the passive voice ending with *-ny*, *-ty* (participium praeteriti passivi) from the genuine participles of the Polish type ending with *-ty*, e.g. *przybyły*, *nadbiegły*, *powstały*.

We consider the type *pisal*, *robił*, to be only a constituent part of the past tense (perfect of the type *pisal* *еть*, praeterite of the type *pisatem*, *pisal* *jsem*, *я писал*). Genuine participles ending with *-ty* have characteristic morphological and syntactic features. From the passive participles ending with *-ny* and *-ty* they differ by their formation means (one cannot form participles ending with *-ty* in a paradigmatic way). From morphologically anomic verbal adjectives ending with *-ły* (of the type *dbały*, *wytrwały*) they differ by the fact that they cannot be a derivate stem, i.e. they cannot form degrees of comparison, adverbs and verbal nouns ending with *-ość*: *przybyły*, *przybylszy*, *przybyłe*, *przybyłość*; but compare *dbały*, *dbalszy* (*bardziej dbały*), *najdbalszy* (*najbardziej dbały*), *dbale*, *dbałość*; the latter have also another semantics: *dbały* — *dbający*, *sorgsam*, *careful*, *przybyły* — the one who arrived, the one who came. In some cases the fundamental verb does not exist any more (or the links with the verb are very weakened) like *wspaniały*, *zajadły*, *odległy*. In the syntactic respect they represent: a) half sentences (half predicative formation exists only at the main predicate as an accompanying action). E.g. — *powstałe wskutek powodzi trudności zaopatrzeniowe, zostały pokonane*; *zostały pokonane* — main predication, main action, *powstałe* — accompanying predication, second action. b) type of a new perfect, especially in the Pomeranian and Hannackian dialects: *mam to wjidzale*; *je nastople*. The categories of genus verbi, tempus do not correspond with the traditional terms, past participle of the active voice. They express but a relative tense and not necessarily the active voice. Witness to this bear: 1) participles with an active formans *-ly* from objective verbs. See Pomeranian *uplotłi*, *posekti*, Hannackian *ópletlé*, *poseklé*, *posekłi*, i. e. with a passive meaning; 2) participles with a passive formans *-ny* and *-ty* from subjective verbs. — Polish *rozkwitnięty*, Kashubian *uidzuo-ni*, Hannackian *ódejity*. This is also confirmed by interchanges of “active”

and "passive" participles of the type: Pomeranian — *pletli/pleconi*; Hannackian — *odešlé/odejité*; Polish — *rozkwitły/rozkwitnięty*.

Participles, ending with *-ly* originated from Indo-European verbal adjectives, ending with *-lo*. In some Indo-European languages nomina agentis originated from them or they became paradigmatic (in Slav, Armenian and Tohar languages). In the Slav language they soon lost the meaning of the participle and kept only the function of the stem of the past tense. As genuine participles they exist mainly in the Pomeranian and Hannackian dialects. They are also met with in the Czech, Bulgarian, Byelorussian, Ukrainian and Polish languages.

The remaining Slav languages have only verbal adjectives with the ending *-ly*.

Participles ending with *-ly* in the Pomeranian and Hannackian dialects. Formation: mainly from subjective verbs with perfective aspect, partly also from objective (transitive ones, but in Pomeranian from subjective and objective verbs with imperfective aspect. Worth attention are cases when the participles ending with *-ly* are formed from pronominal verbs; in Pomeranian, in some cases we meet even participles with a reflexive component *oblekli są*, probably under the German influence.

The interpretation of the perfective constructions in Pomeranian, of the type *io mom řekle* only by the German influence (K. Nitsch) is not quite justified. It cannot be denied that the pattern, according to which formations with a participle ending with *-ly*, is a German one: *ich habe gesagt*, but it is also true that the means of expression remain native (there are not any German formations ending with *-l*).

The existence in the Hannackian dialect of similar constructions with a principle having the ending *-ly* cannot be explained by German influence, it is probably connected with the surnames of the type *Kvapil*, *Běhal*, *Dokoupil* which are widespread in the area of Central Moravia.

AGNIESZKA DOBROWOLSKA

INVESTIGATIONS OF THE MATERIAL CULTURE IN WEST POMERANIA AND OF ITS PROBLEMS.

The relic character of the ancient material culture in West Pomerania is no longer a substratum for an exhaustive description and for its total picture. That is why the present report deals only with a selected material and with problems connected with it. The aim of this work is first of all a trial to find some common cultural features in the whole of Pomerania and especially to find features which are related with the culture of the Balts.

Investigations which were carried out up to now concerned exclusively the tracing of differences arising in the folk culture on the right and left bank of the Vistula and forming a so called ethnographic borderline separating the culture of the Balts from the Polish culture, whereas many common elements connecting both afore-named cultures were passed over in silence. As we know, the factor connecting the two cultures was first of all the geographic stratum formed of an enormous belt of lakeland, stretching from the Gulf of Finland to Schleswig-Holstein and contributing to the transfer of certain cultural features, above belt being mainly adapted for fishery.

The location within the confines of the Baltic basin together with the whole variety of all sorts of phenomena connected with the character of a sea region had also an influence upon the kind of occupation and handicraft wares of the population.

Yet, the author is not going to speak here of the occupation but of some products belonging to the material culture and common both to the Balts and to the Slavs.

The enormous linguistic similarities forming an especially strong link between the Slav group and the Prussian, Lithuanian and Lettonian linguistic group, together with the strong mutual cultural influence, as it has been proved by archaeological findings, confirm the fact that in the domain where ethnographic factors are interpenetrating, one can also speak of links interconnecting.

Here is to be quoted first of all folk building showing some archaic signs peculiar to Eastern Ural areas, mainly Finnish ones. On the territory of West Pomerania, in the line of architecture, there is a crossing of eastern influences in a form of a three room house with a broad frontal part, typical to the vast territories of Eastern Europe ranging to the Ural and Siberia, Scandinavia and the Balkans, with a narrow front house, possessing features of Lusatia Culture. The latter, a dwelling with a triple interior part, is known from findings in Buck near Berlin and is dated 1200 before Christ. Both types of houses have in their central part and element called „czarna kuchnia" (black kitchen) which is a square room with a pyramidal roof, narrowing towards the top part whose middle smoke aperture projects over the ceiling. Being previously the main living room that lodging is a reduction of a cottage without chimney, deprived of windows and ceiling; that is why the central part of the homestead, i.e. the hallway in which above kitchen was located, had been „dom", the house, whereas the cottage without chimney had been transformed, with passage of time, into a kitchen.

After some time a room and a chamber have been added on both sides and in that way a broad-faced house with three interior accomo-

dations came into being. Analogically, the extension of a narrow-faced house was achieved by adding to the former cottage without chimney a room and a chamber from the rear side and a hallway with a porch from the front side. A broad-faced house is met with all over the Baltic littoral, thus in the whole Pomerania, up to the Vistula and after crossing the Vistula, in the ancient Prussia, in Lithuania, Latvia and Estonia. In Lithuania and Latvia the above mentioned cottage without chimney, provided with an open hearth and a kettle hanging above it is called „numas, namas, nams,” i.e. „house,” which is still a separate building in a form of a summer kitchen or a curing room, or also it has been extended into a broad-faced house by adding to it a kind of ancient bath with a store, called „stuba”, „pirtis” or „troba” and a second room, called „maltuwe” and sometimes also granary, called „kleć”.

A more ancient type of a dwelling room was a drying plant, called reja-rija, which was a combination of a „namas” or „pirtis” and of a drying room, bark added to it. A prototype of the „namas” was the Tartar tent or booth, inhabited both by men and animals in a form of a pyramid with an open hearth in the middle or, as it was latter, with a hearth located at the side wall. The most ancient type was the Ostiack pole tent in a form of a pyramid; the Finns covered it already with vertical planks, its wall being higher. The Lappish tent was framed-it was identical with the one in the Polesie area and in Pomerania the tent was either framed as it has been confirmed by 10th- 12th- century - excavations carried out in Gdańsk or provided with poles with wicker-worked walls, covered with loam. The characteristic range of the kitchen-tent, reaching the Oder river on the west and crossing it in a couple of places embracing Silesia, Greater Poland, Masovia, Polesie, stretches to the south, up to the Kielce and Lublin territories, which confirms the presumption of the Ural-Finnish origin of that sort of dwelling from the period of the comb-ceramics culture. This element does not naturally exhaust the problem of the broad-faced house having a hallway with an open hearth, further details being given in the report.

The narrow-faced house also crosses the Vistula, ranging to Samogitia where the „nams” or „numas” is extended in the direction of the narrow front. The Lithuanian, Lettonian and Russian „kletis” is also a narrow-faced building with a porch.

The range of the gable decoration called the pazdur stretches from the Darzyca river towards the Kuroń sand bar and farther on into Samogitia and Lithuania.

Also the garments show some common links. Here belongs the called Slavonic „wite mourning apparel” in a form of a white linen rag belonging to the oldest wrappers of the world, whose range was approximatively

the same as the rural culture of the band ceramics. That rag had been worn in the whole Slavonic Pomerania, from Luneburg up to Estonia and about its wide expansion the author has already told in an earlier report. To the elements of those garments belonged also a head-gear called czółko, composed of white headbands and diadems known in a zone from Latvia up to Lusatia, as well as ribbons manufactured in the whole basin of the Baltic Sea on an exceptionally ornamented weaving laths, the origin of which reached as far as the southern rural cultures of the Near East. The tool called soszka used for the braiding of girdles had been known to the population of western Pomerania and to the Balts. The same thing applied to the open-work spatular spindle-whorl which had been also used in the whole basin of the Baltic Sea, thus also in Pomerania, whereas in Latvia all four types of same had been found. The range of the mangling board with a loop was identical.

All above mentioned wooden tools, decorated with an exceptionally beautiful geometric decoration with a crystalline, groove, open-work engraving show links with Great Russia, with the Carpathian Mountains and with the Balkans, forming the Near Ural-Carpathian-Balkan and littoral Baltic decorative assembly even overcrossing the Oder in the western direction.

The fishermen tools and the system of fresh-water and sea fishing applied in West Pomerania show analogies with same among the Elba river Slovenians and the fishermen of the Kuroń sand bank and probably with farther parts of the littoral, as it has become clear a long time ago.

Late cultural links in the domain of weaving, folk utensils etc, more amply described in the report, prove also that the fact of culture interpenetration undermines in a high degree the theory of absolute ethnographic borderline, at least in respect of the Baltic-Pomerain section.

JAROMIR JECH

INTERETHNIC INFLUENCE UPON THE FOLK PROSE ON THE RECONQUERED TERRITORIES.

Summary

A pleasant field for the investigations of folkloristic interethnic relations, as one of the main problems of the modern folklore, offer the reconquered territories of Poland. Yet, not the whole lot of these relations can be successfully traced. It depends on many factors, viz. on the stability of folk traditions among the new population and among the autochthonous

one, on the qualitative degree of social relations development among both layers of the population and on the qualitative correlation of newcomers and aborigines. Out of the factors mentioned the most important is the vitality degree of the folklore legend.

Where the traditional oral, mainly prosaic literature was subject to simple decomposition during the last decades, it is of course impossible to investigate modern interethnic relations; this concerns particularly the disappearance of the German fairytale traditions in Silesia or the small quantity of folk - tales in the former Czech emigrant settlements south to Strzelin. Quite a different situation is found among the remaining part of Czech speaking population (but being far of the idea to consider themselves as Czechs) from the neighborhood of Kudowa-Zdrój in the Klodsk Region.

The villages of the former County of Klodsk were subject of intensive Germanization during the last two hundred years: the wave of Germanization has especially risen after 1870 when the Czech language was expelled from the school but remained to be an intimate means of communication among neighbours and in domestic life. The younger generations could not any more read or write Czech, yet the German book did not find way to their hearts in a sufficient degree and thus the Czech verbal folklore in 11 most remoted border villages served as substitute of reading which was common in other places. Of great vitality were also there fairy tales which some twenty years ago had quite a circulation even among adult people.

After the Second World War the main part of Czech speaking inhabitants returned to Czecho-Slovakia and the minority consecutively left for Germany. Today in the vicinity of Kudowa-Zdrój there are about 450 Czech speaking persons left, dwelling mainly in the villages of Slo- ne, (Slané), Czeramna (Cermná) and Pstrażna (Strużne). There the process of knitting together both nationalities gradually develops, the proof of it being also the contemporary structure and character of the narrative vocabulary of the autochtons.

III The Czech prosaic repertuar in the extreme western part of Klodsko Region could be enriched first of all because the Polish narrators have brought from their former native land a stock of folklore material. Of course the display of the folklore wealth was not manifest at once but according to the author's observation only during the last five years. From his best narration teller, the 55-year-old Philomene Gornikowa, he could register up to the last year only one Polish legend (type Ath 326) which she has heard from a narrator who migrated from the neighborhood of Przemyśl. This year the author could already register from her several further Polish prosaic tales.

The best source proving the author's thesis is the repertuar of a certain Ann Frankowa, 70-year-old, from Czermmo. Above narrator lives in very close, almost sisterly relations with her friend, a Polish woman of the same age, Mary Szuczwarowa, born in the village of Koropetz, District of Tarnow. Anna Frankowa knows from her a great lot of ancient fairy tales about animal, demonologic tales and stories from life.

On the whole, we may say that in the Czech narrative fund two layers of Polish tales are penetrating:

1) The traditional prosaic material, 2) tales taken from life, which spring up among the Polish population recently, already on the territory of the Klodsko District and which are connected with the traditional material, especially with superstitious motives.

IV Yet, the Polish influence does not limit oneself to thematic, genre or folklore spheres of poetry.

It also penetrates into the language. In the Czech dialect of the Klodsko Region, the longer, the more Polonisms we find, they also penetrate — perhaps in a lesser degree than into the everyday language — into the folk tales. The greatest amount of Polonisms is found in the vocabulary, less in etymology and in the syntax; the least part of them is found in phonetics. The quantity of the Polonisms depends from various factours, out of which the main one is in which circumstances and in what audience the tale is narrated (told to some foreigner or to one's neighbour).

V The Polish influence upon the Czech narrative tradition is one side of the interethnic relations in the frames of the folklore. It comes, undoubtedly also to a reverse influence, like in the village of Pstrażna (Strużne), where the Poles learn the language of their Czech neighbours — coinhabitants, willingly sing Czech songs and participate, even if sporadically, in friendly chats with narrators, etc.

Interethnic relations in the western part of the Klodsko Region are of course a component part of a more broad intercommunication. The mutual influence is distinctly visible also in the sphere of material culture (e.g. the autochthonic population adopted from the Poles their methods of smoking meat).

A comforting fact is the progressing development of the above mentioned folklore and ethnographic relations. They are an irrefutable proof that the process of getting together along is gaining strength. In the new social medium the Polish population is finding a new permanent home and this applies not only to the Klodsko District but also to the remaining lands which have been righteously and for ever reconquered by Poland.

RYSZARD KUKIER

ETHNOGRAPHIC AND ETHNIC CHANGES IN THE MIASTKOW
DISTRICT DURING 1945—1960
SUMMARY

The problem of ethnographic and ethnic changes on the territory of the Miastkow District during the last fifteen years is a fragment of a still lasting process of adaptation and cultural integration of the population which has settled after World War II and which originates from various areas of Poland.

The colonization process of the limitrophe West-Pomeranian Districts, as well as the Miastkow District, is most closely connected with the problem of a reiterated Kashubian settlement.

The Germanization process of those territories which was evergrowing in the course of the historical evolution and the resulting rising afflux of German population caused a strong cultural differentiation of the Bytow Kashubian group dwelling also in the northeastern part of the Miastkow District, mainly in the previous patrimony of the Puttkamer family. After the Second World War on the territory of the former Miastkow District, in its eastern part there has been formed again a layer of strong Kashubian population groups arriving from limitrophe territories of the Gdańsk Pomerania, thus continuing the interrupted migration into the above mentioned area. The central and western part of the Miastkow District, more transformed in the ethnic sense, has been colonized by a group of affluent population, repatriates, as well as by Ukrainian Population coming from the southeastern part of the Rzeszów Province.

When describing cultural specific features of the population of this zone special attention has been paid to the cultural differentiation caused by a stratification of heterogeneous cultures on the afore - named territory.

Барбара Шидловска-Цеглёва

МАТЕРИАЛЬНАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА ПОЛАБСКИХ ДРЕВЛЯН
В ОСВЕЩЕНИИ СЛОВАРНЫХ ИЗЫСКАНИЙ

Резюме

Целью настоящего труда является реконструкция материальной культуры полабских древлян на основании сохранившихся реликтов полабского языка, относящихся к концу XVII века и к первой половине XVIII века, т. е. к последней фазе существования этого языка. Полученные этим путем этнографические сведения описаны в девяти главах.

1. Обработка пахотной земли. Определены были способы вспашки земли, состав земледельческих орудий, употребляемых для этой цели и род двигательной силы. Затем описаны были уборка хлебов, свозка их, молотьба, чистка и сохранение зерна. Кроме того, словарный материал доставил сведения о сортах возделываемых овощей, хлебов, промышленных растений и фруктов, а также о системе сельского хозяйства, применяемой полабскими древлянами.

2. Разведение домашних животных. Определено какие животные разводились в системе полабского животноводства и какую роль в ней играли отдельные животные. Констатировано, между прочим, что у полабских древлян существовала организация общей пастьбы, связанная с общими для всей деревни местами выпаса. Реликты полабского языка доставляют сведений также об оборудовании и о пастушеских обычаях.

3. Добывание и приготовление съестных припасов. На основании словарного анализа получены были подробные данные относительно рыболовства, собирательства и охоты, о приготовлении крупы и муки, о разведении огня, приготовлении пищи, о количестве приемов пищи, о потреблении мяса, молочных продуктов и мучных изделий. Имеются также данные о животных и растительных жирах, о печении теста, о напитках и наконец о кухонной посуде.

4. Обработка сырья. Было определено какой обработке подвергались дерево, кора, свивальные прутья, волокно, камень и глина, а также другое сырье. Рассматриваемый материал доставляет нам особенно богатые сведения о прядении и ткачестве. Обработка льна и беление, а также продажа спрядѣнного полотна описываются далее в этой главе.

5. Строительство. Под этим заглавием рассматриваются строительные материалы, конструкции крыш и элементы построек. Затем описываются печи, нежилые помещения и хозяйственные постройки, полабские плетни, а также отдельные части полабской деревни. В заключение этой главы автор занимается вопро-

сом типа построек на территориях, бывших некогда полабскими (тип франконский или саксонский).

6. Одежда. Под этим заглавием описаны головные уборы, верхняя мужская и женская одежда, рубашки, брюки, пояса, зимняя одежда и купальный костюм. Далее разбирается материал, дающий сведения о рукавицах и чулках, о детском платье, носовых платках, разного рода обуви и безделушках.

7. Утварь. Анализ лексикального материала дал сведения о мебелировке полабского дома. Были в нём: колыбель, утварь, предназначенная для отдыха и для хранения вещей, а также стол. Свечи и лампы, зеркала и образа святых принадлежали также к числу предметов, находившихся в полабском доме.

8. Содержание чистоты. Гигиеническими средствами для сохранения чистоты были купание, расчесывание волос, стрижка и бритье. Стирка белья, уборка избы и борьба с паразитами человека тоже нашли свое отражение в анализированном словарном составе.

9. Транспорт и средства сообщения. В очередном порядке описаны в этой главе полабские дороги, вспомогательные средства пешеходного транспорта, средства транспорта и сообщения, тягловые и ючные животные, затем животные, употребляемые для транспорта и для верховой езды, совместно с описанием упряжи. В заключение описаны: материал, касающийся средств сообщения по воде и средства, служившие для вношения предметов на некоторую высоту — лестницы и сходни.

Материальная культура полабских древлян имеет, в основном, первоначальные, славянские черты. Наиболее замкнутые области быта, остались почти до конца незатронутыми германизацией, а чужеродным влияниям подверглись прежде всего те отрасли культуры, которые имели самый близкий контакт с современной им немецкой средой.

Из числа славянских слов огромное большинство принадлежит к общеславянскому лексикальному фонду. Полабская лексика находилась в близкой связи с лексикой ляшской группы. Констатированы были также полабско-западнославянские и полабско-югославянские связи.

Полабский язык содержит известное количество своеобразных слов, которые были полабской особенностью в области строения или значения слов.

Рассмотрен был также древнеславянский элемент в полабской лексике, относящийся к материальной культуре. Слова древнеславянского происхождения составляют 44%, т. есть более чем 2/5 лексикального фонда. Самое большое количество древнеславянских слов сохранилось в области растениеводства и животноводства, а также в области, связанной со стараниями, имеющими в виду сохранение чистоты, наименьшее количество в области утвари и одежды.

Что касается заимствований, то общее количество заимствованных слов в лексикальном фонде, относящемся к материальной культуре составляет 376 из общей суммы 1280 слов, т. есть 29,3%. Самое большое количество заимствований содержит область строительства, одежды, утвари (всюду по 36%), затем транспорт и сообщение (34%), а также приготовление одежды (тоже 34%). Менее

всего чужеродных влияний имеется в области обработки сырья, так как тут только 20% чужих слов, причем обработка прутьев и волокна насчитывает всего 10%, а ткачество совершенно свободно от заимствований; далее, в словарном составе земледельческих терминов 23% заимствований, в животноводстве 24% и столько же в области, связанной с сохранением чистоты.

Борьба полабского языка с немецким проявляется в живых еще словарных полабско-немецких параллельных формах. Их насчитывается в описываемом материале 39.

Грамматической категорией, легче всего подвергающейся германизации оказались имена существительные (до 47%), значительно более устойчивыми были глаголы (до 33%), а наименее чужеродных влияний наблюдается в категории прилагательных.

В полабском языке были живы очень сильные тенденции присваивания иностранных слов. На 216 немецких слов только десять не были флективными образом ассимилированы. Другим способом присваивания чужеродных слов было снабжение их славянскими префиксами и суффиксами. Еще одним проявлением живучести полабского языка являются реплики из немецкого языка, т. есть синтаксические соединения, составленные по образцу немецких сложений, например:

„ — „ — вилы для навоза,

— птичья вика и другие.

Главным источником, из которого почерпнуты были в полабском языке иностранные заимствования был средненижнегерманский язык. К этому периоду относятся 244 заимствования, 49 слов ведут свою родословную от более поздних источников — от нижнегерманского языка, для 10 слов, приведенных в качестве парадигм в настоящем труде, происхождения следует искать в средневерхнегерманском языке, 2 происходят от древневерхнегерманского языка.

Казимир Полянский

СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛАБСКОГО ЯЗЫКА

(Резюме)

Первая научная попытка обработать языковой материал полабских древлян, переданный нам большей частью в виде словариков, переведенных с немецкого языка, была совершена в половине XIX века. Это была работа А. Гильфердинга *Памятники языка залабских древлян и глинян* (Ст.-Петербург 1856). Значительным шагом вперед была потом работа А. Шлейхера *Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache* (С.-Петербург 1871), ставшая на долгие годы источником исследований полабского языка. Однако же Шлейхер пользовался полабским языковым материалом не на основании источников и потому настоящим основанием для научной обработки полабского языка надо считать только изданное

в 1907 году П. Ростом полное собрание памятников полабского языка в книге *Die Sprachreste der Draväno-Polaben im Hannöverschen* (Лейпциг). С тех пор исследования полабского языка постепенно продвигаются вперед. Наиболее значительными являются работы: Т. Лер-Сплавинского *Gramatyka polabska* (Львов 1929) и Н. С. Трубецкого *Polabische Studien* (Вена и Лейпциг 1929). Грамматика Лер-Сплавинского — это современная, последовательная обработка всего полабского материала и до настоящего времени, в основном, с некоторыми незначительными исправлениями, является самым лучшим и наиболее полным отражением фонетической и грамматической системы полабского языка. Самым значительным исправлением, которое следовало бы ввести в формулировки Лер-Сплавинского, является принятие возможности существования фонологической оппозиции полабских редуцированных гласных *a : ě* (гласный нижнего подъема; гласный верхнего подъема) также в открытых слогах. Открытие этой оппозиции в открытых слогах является заслугой работы Трубецкого *Polabische Studien*.

Исследования полабского языка уже многие годы концентрируются главным образом в Польше. Первоначально учёные занимались прежде всего фонетикой (Т. Лер-Сплавинский, Т. Милевский, В. Курашкевич и др.), хотя интерес к другим вопросам полабского языка тоже проявлялся время от времени в различных статьях, помещаемых главным образом в польском журнале „*Slavia Occidentalis*”.

За последние годы на первое место начинают выдвигаться прежде всего работы по лексике. Издаются всё новые статьи и исследования, авторы которых подвергают всестороннему сравнительно-семантическому анализу различные части словарного состава, связанные с соответствующими областями жизни (Б. Шидловская-Цеглова, Я. Пилатова, М. Радловский, С. Речек). Уже несколько лет идет работа над этимологическим словарём полабского языка. Словарь будет содержать полный словарный материал полабского языка, критически исправленный по отношению к изданию Роста. Над этим словарём работают сообща Т. Лер-Сплавинский и К. Полянский. Первая часть, заключающая в себе материал от *a* до *m* будет издана в недалеком будущем.

В течение работ над словарём оказалось, что остаётся на много больше неисследованных проблем в области этимологии, а в особенности морфологии полабского языка чем раньше предполагалось. В тесной связи с работами над этимологическим словарём возник целый ряд работ, посвященных грамматическому строю и этимологии полабского языка (К. Полянский). Кроме того, оказалось, что немецкие заимствования в полабском языке требуют новой обработки и таким образом возникла работа автора этого доклада о морфологии этих заимствований (подготовленная к печати). О семантике заимствований написал работу С. Речек, стр. 177—212).

Что касается фонетики, самой значительной за последние годы работой была *Akcentuacja polabska* Ю. Куриловича („*Studia z Filol. Pol. i Słow.*”, t. I, Варшава 1955, стр. 349—374). Однако же эта работа не разрешает всех проблем, но наоборот, вызывает много сомнений. Несмотря на то, что существует уже несколько теорий полабской акцентации (Хирта, Лер-Сплавинского, Трубецкого, Ку-

риловича) эта проблема требует ещё всестороннего, как филологического, так лингвистического исследования. Много может разъяснить в этой области точное исследование с этой точки зрения немецких заимствований в полабском языке.

Если уже мы говорим о том, что ещё надо сделать в области исследования полабского языка, то надо подчеркнуть, что новой обработки требует почти вся полабская морфология, так как прежде больше внимания уделялось фонетическим и фонологическим проблемам. Как много работы ещё предстоит, указывают попытки обработать некоторые вопросы морфологии, сделанные К. Полянским (ср. например *Z morfologii polabskiej*, „*Lingua Posnaniensis*”, t. VI, 1957, стр. 154—167).

Ю. Дамборский

ОБ ОДНОЙ ОБЩЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ЧЕРТЕ В ДИАЛЕКТАХ ПОМЕРАНСКОМ И ГАНАЦКОМ

Резюме

В грамматиках славянских языков обозначаются формации типа *pisal*, *robi* как причастия действительного залога прошедшего времени (*participium praeteriti activi II*). Однако они строго отличаются от причастий страдательного залога на *-ny*, *-ty* (*part. praeteriti passivi*) и от собственных причастий типа *przybyły*, *nadbiegły*, *powstały*. Тип *pisal*, *robił* мы считаем лишь составной частью прошедшего времени (перфект типа *pisal esmb*), претерит типа *pisalem*, *psal jsem*, (*я писал*). Собственные причастия на *ly* обладают характеристическими морфологическими и синтаксическими чертами. От страдательных причастий на *-ny* и *ty* отличаются способом образования (нельзя образовать причастий на *-ly* парадигматически). От морфологически омонимических отглагольных прилагательных на *-ly* (типа *dbaly*, *wytrwaly*) отличаются тем, что не могут быть деривационной основой, т. е. они не могут образовать степеней сравнения, наречий и отглагольных существительных на *-ość*: *przybyły* — *przybylszy*, *przybyłe*, *przybyłość*; сравни однако *dbaly*, *dbalszy* (*bardziej dbaly*), *najdbalszy* (*najbardziej dbaly*), *dbale*, *dbałość*; последние имеют тоже другую семантику: *dbaly* = *dbający*, *sorgsam*; *przybyły* = тот, который прибыл, пришедший. У некоторых не существует уже основной глагол (или связь с глаголом в значительной степени ослаблена) *wspaniały*, *zjadły*, *odległy*. В синтаксическом отношении представляют они а) полупредложения (полупредикативная формация существует только при главной предикации, как сопровождающее действие): *powstałe wskutek powodzi trudności zaopatrzeniowe*, *zostały pokonane*; *zostały pokonane* = главная предикация, главное действие, *powstałe* = сопровождающая предикация, второе действие.

б) тип нового перфекта особенно в померанском и ганацком диалектах: *tam to wjidzałé; je nastóplé*.

Категории *genus verbi, tempus* не соответствуют традиционным терминам „причастие прошедшего времени действительного залога“. Они выражают только релятивное время и не обязательно действительный залог. Об этом свидетельствуют с одной стороны причастия с действительным формантом на *-ly* от объектных глаголов. Пом. *uplotli, posekli* ... ган. *ópletlé, poseklé*, значит со страдательным значением, с другой стороны причастия со страдательными формантами *-ny* и *-ty* от субъектных глаголов. Польское *rozkwitnięty*, каш. *iidzuoni*, ран. *odejity*. Кроме того, это подтверждают чередования „действительных“ и „страдательных“ причастий типа пом. *plotli || pleconi*; ган. *odešlé || odejité*; польское *rozkwitły || rozkwitnięty*.

Причастия на *-ly* возникли из индоевропейских глагольных прилагательных на *-lo*. В отдельных ие. языках возникли из них *nomina agentis* или они парадигматизировались, (в славянском, армянском и тохарском языках). В славянском они быстро утратили значение партиципа и стали лишь основой прошедшего времени. Как собственные причастия они существуют особенно в померанском и ганацком диалектах. Они встречаются также в чешском, болгарском, белорусском, украинском и польском языках. Остальные славянские языки имеют только прилагательные отглагольные на *-ly*.

Причастия на *-ly* в померанском и ганацком диалектах. Образование: главным образом от субъектных глаголов совершенного вида, отчасти тоже от объектных (переходных), лишь в померанском от субъектных и объектных глаголов несовершенного вида. Интересны случаи образования причастий на *-ly* от глаголов возвратных, в померанском в некоторых случаях встречаются они даже с рефлексным компонентом *oblekti sq*, видимо под влиянием немецкого.

Толковать перфектальные конструкции в померанском типа *io tom řekle* только влиянием немецкого (K. Nitsch) не совсем оправдано. Не подлежит сомнению, модель, по которой строятся формации с причастием на *-ly* немецкая: *ich habe gesagt*, но несомненно тоже то, что средства выражения родимые (в немецком нет формаций на *-l*).

Существование подобных конструкций с причастием на *-ly* в ганацком диалекте нельзя объяснять влиянием немецкого, оно, по всей вероятности, связано с очень распространенными в средней Моравии фамилиями типа *Kvapil, Věhal, Dokoupil*.

Агнешка Добровольска

ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОГО ПРИМОРЬЯ И ЕЁ ПРОБЛЕМАТИКИ

Реликтовый характер древней материальной культуры Западного Приморья не является уже субстратом исчерпывающего описания и полного ее образа. Поэтому, в настоящем докладе обсуждаются только избранные вопросы и свя-

занная с ним проблематика. Это будет, прежде всего, попытка найти общие черты культур всего Приморья, а в особенности черты, родственные культуре балтов.

Проводившиеся до сих пор исследования касались исключительно выслеживания разниц, возникавших в народной культуре на правом и левом берегах Вислы, создавая так называемый этнографический рубеж, отделяющий культуру балтов от польской культуры, обходя при этом молчанием много общих элементов, соединяющих эти культуры. Объединяющим их фактором являлось прежде всего общая географическая основа, в виде огромной полосы озёр, простирающейся от Финского залива до Шлезвиг-Гольштейна, способствующая перемещению некоторых черт культуры и наставленная, главным образом, на рыбное хозяйство. Расположение в пределах Балтийского бассейна, вместе с разнообразием всевозможных явлений, связанных с характером приморского района, также влияло на род занятий населения и его изделия. Не занятия однако будут тут предметом рассуждения, но некоторые произведения материальной культуры, общей как балтам так и славянам.

Огромные языковые сходства, связующие особенно крепко славянскую группу с прусским, литовским и латышским языками а также сильное взаимное культурное влияние, о чем свидетельствуют археологические изыскания, подтверждает то, что в области взаимного проникновения этнографических фактов также существуют взаимные связи.

Сюда относится прежде всего народное строительство, проявляющее некоторые архаические черты, свойственные уральским областям, а главным образом финским. На территории Западного Приморья, в области строительства скрещиваются восточные влияния в виде трёхкомнатного дома, с широкой передней частью, типичного для огромных пространств восточной Европы, простирающихся до Урала и Сибири, Скандинавии и Балкан, с узкофасадным домом, с чертами „лужицкой“ культуры, который в виде жилища с тройной внутренней частью известен из раскопок в Буке под Берлином, относящимся к 1200 г. до н. э. Характерной чертой обоих типов жилища является элемент так наз. „чёрная кухня“, помещающаяся в центральной их части. Это квадратное помещение пирамидальной формы, суживающееся к верху крыши, с отверстием для выхода дыма под потолком. Будучи прежде главным жилым помещением, упомянутая чёрная кухня является сокращением курной безоконной и безпотолковой избы, благодаря чему средняя часть жилища, т. е. сени, в которых она помещается, называется „домом“, тогда как курная изба с течением времени преобразовалась в кухню. К обеим её сторонам, со временем, пристроено горницу и клеть, составляющие таким образом трехкомнатный широкофасадный дом. Таким же образом происходила перестройка курной избы в узкофасадный дом — дом с горнишей и клетью, пристроенной к его задней части, тогда как сени с навесом составляли переднюю часть дома. Дом широкофасадный распространён во всей Прибалтике, поэтому и во всём Приморье до Вислы, а также за Вислой в давней Пруссии, в Литве, Латвии и Эстонии. В Литве и Латвии, описанная курная изба, с открытым очагом в висающим над ним котлом, называется „думас, намас, намз“, т. е. „дом“, который был еще

отдельным строением в виде летней кухни или печи для копчения рыб или же был переделан в широкофасадный дом посредством прибавления пристройки, составлявшей прежде баню с печью, называемой „штуба“, „пиртис“ или „троба“ и второго помещения, так наз. „мальтуве“ или же амбара, „клети“. Самым древним типом жилища была сушилка „рея-рия“, т. е. „намас“ или „пиртис“, с пристроенной сушилкой, гумном. Прототипом намаса являлась юрта или „шатёр“ (в котором жили люди совместно с животными), в виде пирамиды с открытым посредине очагом или же, впоследствии, отодвинутым к боковой стене. Самым древним её типом является остийская юрта, построенная из жердей пирамидальной формы, у финнов она была уже с более высокими стенками и покрывалась отвесными досками, у лопарей рубленая, сходная, впрочем, с полесской, на Приморье рубленая, как свидетельствуют об этом раскопки с 10-го и 11-го веков произведенные в Граньске, а также из столбов с плетеными из прутьев стенами, обмазанными глиной. Распространение черной кухни-юрты на западе доходило до Одера, затем переходя её в некоторых местах, простиралось на Силезию, Великую Польшу, Мазовию, Полесье, доходя на юге до областей: Келецкой и Люблинской, что в некоторой степени является доказательством угро-финского происхождения этого жилища периода гребешковой керамики. Этот случай отнюдь не решает целиком проблемы, касающейся широкофасадного дома с сенями, с открытым очагом, о чем подробнее в докладе. Узкофасадный дом также распространяется за Вислу, доходя до Жмуди, где „намс“ или „нумс“ разбирается, приобретая форму дома с узкой передней частью. Узкофасадным жилищем с навесом является также литовская, латышская и русская „клетис“.

Распространенность украшения конька, которым является „паздур“, было в границах от Даржицы за Одером, к Куронской косе и вглубь Жмуди и Литвы.

На существование некоторых общих связей указывает также одежда. К ней относится так называемый славянский „белый траур“ в виде белого холщового покрывала, принадлежащего к древнейшим покрывалам мира, распространение которого как будто совпадает с сельскохозяйственной культурой ленточной керамики. Покрывало это носили во всём славянском Приморье от Люнебурга до Эстонии, о широком распространении было уже сказано в другом месте. Одним из элементов этой одежды является также чёлка в виде белых повязок на голове и диадем, известных на территории, простирающейся от Латвии до Лужиц, а также тесёмки, выделяемые вокруг всего Балтийского бассейна, на исключительно красиво отделанной досочке, происхождение которой относится к южным сельскохозяйственным культурам Ближнего Востока. Сошка для плетения поясов появляется как на Западном Приморье так и у Балтов. Точно также обстоит дело с ажурной прялкой в виде лопатки, употребляемой опять таки по всему Балтийскому бассейну, следовательно и на Приморье, тогда как в Латвии существуют уже все четыре её типа. Впрочем так же представляется распространение катка с ухом для катания белья.

Все упомянутые деревянные предметы, украшенные исключительно красивым геометрическим орнаментом, с резьбой кристаллической, ажурной и т. д., обнару-

живают связь с Великорусью, Карпатами и Балканами, создавая приурало-карпато-балканские объединения прикладного искусства, выходящее, впрочем, за Одер в западном направлении.

Таким-же образом рыбацкие снасти и система рыбной ловли, как морской так и сладководной, применяемые в Западном Поморье имеют свою аналогию как у словинцев на Эльбе так и у рыбаков на Куронской косе а вероятно и в отдалённых частях побережья, на что давно уже обращено внимание.

Более поздние культурные объединения в области ткацкого производства, народного оборудования и т. д., рассмотренные подробнее в докладе, являются также доказательством того, что факт взаимного проникновения культур в значительной мере подрывает теорию о существовании абсолютного этнографического рубежа, хотя-бы в балто-приморской полосе.

Яромир Еха

ИНТЕРЭТНИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА НАРОДНУЮ ПРОЗУ НА ОТВОЕВАННЫХ ЗЕМЛЯХ

Краткое содержание

Благодарное поприще для исследований фольклористических интерэтнических отношений, как одной из главных проблем современной фольклористики представляют наново отвоеванные области Польши. Однако не все эти отношения можно успешным образом проследить. Это зависит от многих факторов, как например от прочности народных традиций у нового населения и у населения автохтонного, от качественной степени развития общественных отношений между обоими слоями населения и от количественного соотношения пришельцев и туземных жителей. Из упомянутых факторов самым важным является степень жизнестойкости фольклористического предела.

Там, где в минувших десятилетиях подверглась традиционная устная, прежде всего прозаическая, словесность простому разложению нельзя, конечно, изучать современные интерэтнические отношения; сравни особенно исчезновение немецких сказочных традиций в Силезии или малое количество народных повествований в бывших чешских эмигрантских колониях на юг от Стржелина. Совсем другое положение мы находим у остатка говорящих по чешски (однако вовсе не признающих себя чехами) жителей из окрестностей Кудова-Здруй, в районе Клодска.

Деревни бывшего графства Клодска подвергались в течение последних двухсот лет стремительной германизации: германизационная волна возмужала главным образом после 1870 года, когда из школ был изгнан чешский язык, который однако остался интимным средством сношений соседского и домашнего быта. Младшие

поколения не умели уже читать и писать по чешски, однако немецкая книга не нашла в достаточно широкой мере доступа к их сердцам и таким образом чешское устное повествование в 11 наиболее захолустных приграничных деревнях вознаградило их чтение, обычное в других местах. Сильную живучесть сохранили здесь также и сказки, которые еще лет двадцать тому назад рассказывали друг-другу даже взрослые.

После второй мировой войны, из числа говорящих по чешски жителей, переселилась большая часть в Чехию, а затем в последовательном порядке меньшая часть в Германию. Сегодня их живет в окрестности Кудова-Здруй около 450, главным образом в деревнях Slané (Слонэ), Černá (Чермна) и Stroužné (Пстронжна). Там постепенно развивается процесс славянизации представителей обеих народностей, о чем также свидетельствует современный состав и характер словарного повествовательного фонда автохтонов.

III. Чешский прозаический репертуар в наиболее к западу выдвинутой части Клодского района мог обогатиться прежде всего потому, что польские рассказчики принесли с собой из своих старых родных мест запас фольклористического материала. Конечно, к проявлению фольклористического богатства не доходит сразу, но, как автору до сих пор удалось заметить, только в течение последних пяти лет. У своей самой лучшей рассказчицы, 55 летней Филомены Горниковой, автор до прошлого года записал только одно польское предание (тип Ath 326), которое она переняла от рассказчика, переселившегося из окрестностей Пшемышля. В нынешнем году автор мог у нее записать уже ряд дальнейших польских прозаических преданий.

Больше всего доказательств доставляет репертуар 70 летней Анны Франковой, из Чермна. В полных доверия, прямо-таки сестринских отношениях, живет рассказчица с такой же пожилой полькой, Марией Шучваровой, родом из деревни Коропец, тарнопольского уезда. Анна Франкова знает от нее большое количество древних сказок о зверях, демонологических рассказов и рассказов, взятых из жизни.

В общем можно сказать, что в повествовательный чешский фонд проникают два слоя польских рассказов: 1) традиционный прозаический материал, 2) рассказы, взятые из жизни, которые возникли у польского населения в последние времена, уже на территории клодской земли и которые связаны с традиционным материалом, особенно с суверными мотивами.

I. Польское влияние, однако, не ограничивалось только тематической, жанровой или же фольклористической сферами поэтики, оно проявляется также в языке. В чешском диалекте клодского района, чем более проходит времени, тем больше мы находим полонизмов, которые проникают, быть может в меньшей степени чем в язык повседневного общения, также и в народные сказания. Наиболее полонизмов в словаре, меньше в этимологии и в синтаксисе, менее всего в фонетике. Мера полонизмов определяется разными условиями, из которых самым важным является тот фактор — при каких обстоятельствах и в какой среде передается рассказ (рассказывается-ли, например, что-либо чужому слушателю или своему соседу).

Польское воздействие на чешскую повествовательную традицию является одной стороной междутнических отношений в рамках фольклора. Несомненно доходит и до обратного воздействия, особенно в деревне Пстронжна (Stroužné), где поляки учатся языку своих чешских соседей — сожителей, охотно поют чешские песни, участвуют, хотя бы спорадически, в беседах с рассказчиками и т. д.

Междутнические отношения в западной части клодского района являются несомненно составной частью более широкой взаимосвязи. Взаимное воздействие явственно проявляется также в области материальной культуры (например автохтонное население переняло от поляков способ копчения мяса).

Утешительным фактом является прогрессирующее развитие вышеописанных фольклористических и этнографических отношений. Они представляют неоспоримый довод того, что процесс уживчивости усиливается. В новой социальной среде обретает себе польское население новое постоянное отечество и не только в области Клодска, но и в прочих землях, которые все справедливо и уже навсегда были Польшей отвоєваны.

Рышард Кукер

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ В МЯСТКОВСКОМ УЕЗДЕ В 1945—1960 Г. Г.

Резюме

Проблема этнографических и этнических перемен на территории мястковского уезда в минувшем пятидесятилетии является фрагментом, происходящей еще и в настоящее время культурной адаптации и интеграции, осевшего после второй войны населения из разных земель Польши.

Процесс колонизации приграничных западно-поморских уездов, а также и мястковского уезда, связан на этой территории наиболее существенным образом с проблемой его рекашубизации.

Нарастающий в историческом развитии процесс германизации этих земель и связанный с этим усиленный наплыв немецкого населения, повлиял на сильное культурное обособление группы бытовских кашубов, проживающих также в северо-восточной части мястковского уезда, главным образом в былых поместьях рода Путткамеров.

После второй мировой войны, на территории бывшего мястковского уезда снова наслоились в его восточной части сильные группы кашубского населения из приграничных земель Гданского поморья, продолжая прерванное переселенческое движение на эту территорию. Центральная и западная часть упомянутого уезда, более преобразованная в этническом отношении, была колонизирована группой наплывного населения, репатриантами, а также украинским населением из юго-восточной части Ржешувской земли.

При описании культурных специфических особенностей жителей этого района принята была особенно во внимание культурная дифференциация, возникшая из наслоения разнородных народных культур на вышеупомянутой территории

INDEKS OSOBOWY

- Adamska-Zawistowicz K. 538, 549, 550, 590, 595, 609, 636
 Adler A. 340, 365
 Anikin W. P. 496
 Anonym, 248, 249, 265
 Antoniewicz W. 538, 548—561
 Antonowicz K. 621
 Arne A. 386
 Awierkij J. 480
- Babicz J. 624
 Babinicz W. 584, 592, 594, 597
 Badoń S. 592, 594, 621
 Badura W. 630
 Bajec A. 311, 320
 Balawajder A. 630
 Balicki W. 592, 598, 628
 Balzer O. 238, 250
 Baranowski B. 609
 Batorowicz Z. 467
 Batowski H. 471
 Baudouin de Courtenay, 274, 466
 Bazzenberger A. 325, 363
 Bąk S. 596, 597
 Benveniste E. 302
 Bernhard L. 18
 Biasutti R. 479
 Biegeleisen H. 449
 Bielfeldt H. H. 260, 273, 277
 Bielenstein A. 325, 328, 330, 350, 357, 360, 363
 Bielski 40
 Bieńkowski W. 586
 Błaszczyk S. 591, 592, 595, 618, 633
 Bohdanowicz J. 464
 Bogusławski W. 238, 250
- Bratkowska W. 625
 Bronicz S. 594, 616, 618
 Bross K. 250
 Bröggemann L. W. 443
 Brückner A. 50, 110, 239, 250, 259, 295
 Brzóska S. 241, 250
 Bujakowa M. 625
 Bunc S. 262
 Burszta J. 448, 467, 586, 591, 597, 618, 620, 632, 636, 637
 Butkewicius 331, 333, 336
 Buzek J. 18
- Ceglowa-Szydłowska B. 19—256, 265, 274, 464, 465, 639
 Cerbulenas K. 328, 329, 331, 338, 341, 363
 Ceynowa F. 600
 Chętnik A. 525
 Cichowicz W. 596
 Ciesielski Z. 506
 Cimermanis 331
 Clasen H. 350, 365
 Czado E. 628—632
 Czekanowski J. 366, 458, 459, 532, 534, 538, 540, 541, 550, 552, 557, 586, 590, 593, 595, 598
 Czernik S. 630
 Czubiński P. 477
 Ćwik S. 609
- Damborský J. 299—320
 Dekowski J. 609, 610
 Debec (Debiec) G. F. 479, 534
 Długosz J. 325, 347, 363
- Dobrowolska A. 321—366, 463, 464
 Dobrowolski K. 602, 636
 Domeier 265
 Dopierała B. 466
 Doroszewski W. 584, 588
 Dubiel L. 601
 Dulczewski Z. 470
 Dusburg 347
 Dyakowski B. 252
 Dydowicz J. 618, 634
 Dynowski W. 340, 365, 532, 636
- Estreicher H. 320
 Dziekoński T. 569
 Engelen A. 385
 Engels F. 15, 18
- Filipowiak W. 364
 Fischer A. 79, 138, 239, 240, 242, 246, 247, 250, 364
 Flizak S. 611, 613
 Fołta W. 630
 Franko I. J. 477
 Frankowska M. 618
 Frankowski E. 540, 563—570, 637
 Frączek W. 628, 629, 632
 Fryczowa M. 621
- Gadziejewa S. Sz. 481
 Gajek J. 253, 445—449, 451—474, 482—485, 538, 541, 549, 550, 557, 586, 590, 592, 597, 598, 635, 636
 Gajkowa O. (O. G.), 584—589, 591
 Galauné P. 338, 341, 366
 Gargas Z. 245, 250
 Garyga B. 590, 591, 592, 635
 Gawron W. 608
 Gębik W. 616
 Gierszewski S. 459, 465, 588
 Glapa A. 635
 Gliszczyńska J. 616
 Gładysz M. 635
 Godlewski A. L. 590, 592, 596, 622,
- Godycki M. 532, 538, 549, 550
 Gomolec L. 618
 Gotfried Z. 591
 Gozina G. J. 326, 363
 Gorlenko W. F. 475—477
 Grappin H. 315
 Grimm J. W. 242, 248
 Grimmowie 131
 Gulgowski J. 365
 Gusiewa W. E. 497
 Guslistyj K. G. 475—477
- Hajówna L. 602
 Havránek B. 320
 Heckscher K. 240, 250
 Heidorn G. 459, 467, 473
 Heinze V. A. 366
 Hejnosz W. 596, 598, 621
 Helmold 345, 365
 Hennenberger C. 325, 326, 363
 Hennig 37, 39, 40, 42, 44, 47, 50, 56, 61, 67, 69, 77, 83, 84, 90, 97, 106, 108, 111, 114, 118, 122, 126, 130, 132, 135, 140, 143, 145, 152, 167, 169, 171, 173, 177, 181, 183, 191, 193, 201, 204, 241, 245, 259,
- Hensel W. 366, 584, 585
 Henssen G. 385
 Herbord 322, 332, 363
 Herskovits M. 479, 532, 534, 551
 Heydzianka patrz Pilatowa
 Hilferding A. 238, 250, 257, 274, 434,
 Hirsch Ch. 465, 589
 Hirt H. 250
 Holstein B. 335, 364
 Holub J. 239
 Holubowicz W. 364
- Ibrahim ibn Jakub 345
 Ingot S. 630
 Iwanowa J. W. 492
- Jackowski A. 528
 Jacobi V. 24, 39, 42, 155, 238, 239, 250

Jagić V. 250
 Jahn M. 386
 Jakobson R. 261
 Jamka R. 364
 Jannieschge Jan 22
 Jasiewicz Z. 618, 634, 636
 Jaworczak A. 631
 Jaworska B. 609, 636
 Jażdżewski K. 364, 459
 Jebramczyk M. 364
 Jech J. 387—399, 467
 Jeżowa T. 465
 Jostowa W. 625, 626
 Judenko K. 623
 Jugler J. H. 55, 258

Kaleciak P. 590—599, 611, 613, 616
 Kalina A. 250
 Kalisch J. 459, 467
 Kalits W. J. 488
 Kamińska J. 366
 Kamocki J. 603
 Kapełuś H. 589
 Karłowicz J. 254, 292
 Karwowski S. 18
 Kiersnowski R. 364
 Kilian 323, 363
 Kleczkowska J. 591, 594, 628
 Kleczkowski A. 124, 148, 152, 162,
 238, 243, 245, 250, 265
 Klemensiewicz Z. 306, 320
 Klik J. 621
 Klinger W. 571—577
 Klonowski F. 333, 594, 615
 Kluge F. 248
 Kluz S. 631
 Kłak I. 591, 631
 Kniezsa I. 250, 261
 Knoop O. 386
 Koblischke J. 250, 259, 274
 Kociubiński M. 478
 Kočka W. 362, 365
 Kojdecka A. 474—482, 485—496

Kolberg O. 620, 633
 Koller E. 365
 Kopečný F. 320
 Koppers W. 479
 Kostrzewski J. 239, 250, 456, 457, 459,
 Kotula F. 591, 597, 631
 Kozierowski S. 239, 250
 Krastynja A. K. 338, 365
 Krofey Szymon 403
 Krupianska W. J. 479, 487
 Krzyżanowski J. 394, 585, 588
 Kubin J. S. 390
 Kucharska J. 463, 467, 525
 Kuhn A. 386
 Kukier R. 399—444, 615, 621
 Kulke E. 365
 Kunysz A. 591, 597
 Kunysz W. 596, 598, 631
 Kuraszkiwicz W. 239, 250, 261, 264,
 273, 465
 Kuryłowicz J. 238, 251, 271, 303, 363
 Kutrzeba St. 215
 Kwaśniewicz W. 636
 Kwaśniewska M. 469
 Kwaśniewski K. 463, 636

Labuda G. 366, 459, 466, 586
 Lahn W. 385
 Latuch M. 471
 Lauffer O. 243, 251
 Lenin W. I. 18, 477
 Lepner T. 325, 326, 363
 Leroi — Gourhan A. 480
 Lew S. 591
 Lewicka-Kowalska A. 592, 594, 602,
 624
 Lewicki T. 603
 Lewin M. G. 479, 480
 Linde M. S. B. 46, 73, 90, 95, 105,
 120, 126, 131, 185, 241, 247, 254,
 295
 Linde R. 240, 251
 Lorentz F. 118, 155, 200, 239, 248, 251,

259, 274, 295, 311, 320, 334, 364,
 Lisakowski J. 634

Łazutin S. F. 499
 Łysik S. 601

Magryś M. 629
 Mai J. 9—18, 467, 588
 Majchrzak J. 624
 Makulski 594, 623
 Maleczyński K. 366
 Malicki L. 528, 601
 Mały J. 251
 Małek P. 470, 586
 Manecke A. F. C. 238, 251
 Marks K. 15
 Meitzen 24
 Melicherik A. 501
 Meyer G. F. 386
 Micał J. 591, 593
 Mikkola J. 274
 Miklosich F. 241
 Mikułowska H. 621
 Milewski T. 241, 251, 261, 263, 465,
 506
 Milius V. 340, 364
 Misińska M. 609, 636
 Mithoff 265
 Mitzka W. 292
 Moor H. 363
 Morgan L. H. 480—481
 Moroń B. 251, 261
 Moszyński K. 22, 239, 242, 245, 251,
 356, 505, 509, 540
 Muka K. E. 22, 118, 124, 148, 150,
 156, 162, 167, 242, 251

Nestor 455
 Niederle L. 252
 Nitsch K. 240, 252, 274, 320, 435,
 466, 590

Obrebska A. 240, 252
 Oesterreicher H. patrz Estreicher H.

Olszewicz B. 624
 Orzechowski P. 592, 606, 609
 Osowski L. 261

Parczewski A. 252
 Paryska Z. 625
 Paryski W. 625
 Pawełczyńska A. 471
 Peesch R. 464, 513
 Pessler W. 252
 Peuckert W. E. 390
 Pfeffinger 22, 39, 84, 171, 185, 265
 Pieciukiewicz M. 621
 Pietkiewicz K. 525—528, 590, 592,
 597, 623, 636
 Pietraszkowa E. 602
 Pilatowa-Heydzianka J. 20, 238, 240,
 242, 250, 262, 267, 274, 465
 Pisani V. 261
 Piwocki K. 623
 Plechanow G. W. 477
 Pojnarowa-Kutrzeba A. 592
 Polakiewicz K. 621
 Polański K. 147, 150, 172, 241, 243,
 252, 257—275, 465
 Pomianowska W. 602, 623, 624
 Poniatowska A. 467
 Porzeziński W. 198
 Potapow L. P. 479, 487
 Praetorius M. 325, 363
 Prajss J. 435
 Prikryl O. 320
 Propp W. 501
 Prüfferowa-Znamierowska M. 467,
 532, 621, 623
 Pszczyński K. 618
 Putilow W. J. 497

Radłowski M. 252, 268, 274, 465
 Rak J. 630
 Ramovs F. 311, 320
 Ramułt St. 254, 435
 Reczek S. 271, 465
 Reinfuss R. 597, 602, 603, 631

- Rej 40
 Robakidze A. J. 474—475
 Rogalski-Dzierżykraj T. 532, 538,
 540, 549, 550
 Romańska H. 624
 Rosiński B. 532, 534
 Rost P. 21 22, 130, 147, 151, 178, 181,
 198, 209, 241, 252, 258, 259, 270
 Rozwadowski J. 238, 252
 Rudnicki M. 238, 252, 315, 320, 435,
 459
 Safařík (Szafarzyk) P. J. 23, 252
 Sakijew M. M. 505
 Saloni A. 631
 Schleicher A. 188, 238, 252, 257
 Schmid B. 337, 338
 Schulze Jan Parum 28, 36, 55, 95,
 121, 158, 162, 164, 174, 181, 265
 Scott P. 479
 Selmer E. W. 252
 Seweryn T. 629
 Sidielnikow W. M. 502
 Sikora M. 457
 Sirelius U. T. 326, 332, 334, 363, 366,
 506
 Skuńówna W. 612
 Sławski F. 242, 313
 Smirnowa J. S. 485—487
 Sobieski M. 588
 Sobisiak W. 347, 618
 Sokołowa Z. P. 491
 Splawiński-Lehr T. 21, 120, 198, 215,
 238, 240, 244, 248, 251, 258, 261,
 265, 267, 269, 272, 274, 323, 363,
 459, 465
 Srokowski S. 443
 Stará M. 252
 Staszczak Z. 624, 636
 Staszków J. 320
 Steinitz W. 480
 Stieber Z. 466
 Stołyhwo K. 535, 540
 Stołyhkowa E. 535, 540
 Stopa R. 540, 541
 Suboczowa M. 601
 Sułkowska-Symoni J. 248, 252
 Stryczek J. 630
 Szafer W. 242, 252
 Szetela T. 591
 Szewczyk Z. 602
 Szuberla A. 631
 Szydłowska B. patrz Ceglowa B.
 Szyfelbejn 623, 624, 636
 Szwengrub L. M. 632—635
 Śląski K. 322, 363, 443, 461
 Śliziński J. 471
 Średniawa H. 594, 625, 626
 Świeży J. 578—581, 596 bibliografia
 Patrz t. XVIII „Prac. i Mat.
 Etn.” str.
 Świętek J. 631
 Świrko S. 623
 Świrski W. 592, 624
 Świtniewski S. 603
 Taborska-Popowska 466
 Taks S. 479
 Taszycki W. 239, 253, 299
 Teske H. 253
 Tetzner F. 25, 156, 158, 246, 253, 349,
 365, 435
 Thompson S. 386
 Thörnquist C. C. 253
 Tierentiewa L. N. 479, 482, 485, 487
 Toistów S. P. 479, 529, 532, 534,
 551
 Tomaszewski A. 239, 241, 253
 Topolski J. 459
 Trubecki (Trubieckoy) N. S. 238, 245,
 247, 253, 258, 260, 265, 272
 Turek R. 630
 Tymieniecki K. 253, 460
 Urbańska B. 602, 603

- Vallinheimo V. 506—513
 Vallois A. 480, 529, 533
 Vancik F. 586
 Vasmer M. 241, 242, 253, 259, 261
 Vieth A. 253
 Wachowiak B. 459
 Wachowski K. 253
 Wachtłówna J. 261
 Waligórski A. 602, 603, 622
 Wanke A. 468, 592, 593, 605
 Weinhold R. 587
 Weise E. 341, 365
 Wesołowski S. 457
 White L. 480—481
 Wierczyński S. 253
 Wilczewski H. 587
 Winter R. 277—298, 464
 Wirpsza-Łyszcz A. 624
 Wissner W. 386
 Wiśniowski-Prus T. 612
 Woeller W. 367—386, 465
 Wojciechowska A. 618
 Wokroj F. 468, 595
 Wolski K. 591, 592, 637
 Wołagiewicz R. 457
 Wronowska I. 623
 Wróblewski T. 464, 575, 592, 618,
 620, 634, 637
 Zakrzewski A. 526
 Zaremba J. A. 581—584, 597
 Zborowski J. 596, 625
 Zelenin D. 239, 253, 511
 Ziehen E. 253
 Zwolakiewicz H. 581
 Żdanko T. A. 479
 Żelechowski J. 621, 622
 Żirmunskij W. M. 501
 Żyga A. 502
 Żywirska M. 592, 601

INDEKS ETNOGEOGRAFICZNY

- Afryka**, 554
Ameryka, 555
 Indianie A. półn. 480—481
 Arktyka, 555
Australia i Oceania, 554
Azja, 554—555
 Adygejcy Kaukazu, 485—487
 Chantowie, Ewenkowie, Sielkupowie, 491—492
 Gruzja, 474—475
 Kabardyńcy, Czerkiesi, 505—506
 Karakalpacy, 479
 Karelia, 506—513
 Syberia, 491—492
 tomska obl. 491—492
- Europa**, 555
 Albania, 492—496
 Bałtowie, 324
 — Sambia, 323
 Č.S.R.S. 548—561
 Czesi podsudeccy, 387—398
 — Hanacy, 299—320
 — Słowacja, 559
 Estonia, wyspa Kichnu, 488—491
 Finlandia, 506—513
 Litwa, 331, 336, 341
 — Żmudź, 326, 341
 Lotwa, 330, 336, 341, 482—485
 — Zemgalia, 331
 Łużyce, 336
 Łużyckie błota, 336
 Niemcy, Berlin, 367
 — Hannover, 257
 — Hinterpommern, 277—297
 — Greifswald 9, 277
- Meklenburgia, 323, 367, 386, 407
 — Meklenburskie poj. 322
- Europa**,
 Niemcy, Szlezwig-Holsztyn, 321
 — Rugia, 345, 513—525
 Słowianie zach. 22, 23, 26, 459
 — Drzewianie, 19—256
 — Drzewian grody, 24
 — Chełmianie, 24
 — Lucie, 27
 — Lutyce, 24
 — Łączania, 24
 — Obodryci, 24
 — Połabianie, 19—256, 84, 120, 257—275, 465
 — Wendowie, 26, 27, 118, 403
 — Wendowie Lüneburscy, 265
 — Dannenberg, 22, 27, 29, 138, 265
 — Darżyca, 341
 — Drawehn, część Wendlandu 27
 — Lemgau, 27
 — Lüchow, 26—30, 138, 265
 — Lüneburg, 26, 257
 — Sühten, 22, 28
 — Ülzen, 138
 — Wendland, 27, 156
 — Wüstrow, 27—30, 265
- Rzeki**:
 Dumme, 28
 Dźwina, 321
 Jasiel, 26, 28, 84
 Łaba, 22
 Odra, 22

Europa,

- Paręta, 323
 Wisła, 321

Z.S.R.R. 474—506

Polska, Beskid Śląski, 448

- *Borowiacy*, 417
 — Bytów, 339, 465
 — chojeński pow. 339
 — Cziuchów, 339
 — Drawsko, 280, 291.
- Gardno, 465
 — Gdańsk, 347
 — gdański pow. 339
 — *Gochy*, Kaszubi zach. 401, 406, 435
 — gryfiński pow. 339
 — Jamno koszaliń., 357—358
 — Kaszubi, 334, 339, 341, 404, 406, 414, 420, 426, 430, 432, 434, 441, 471
 — Kaszubi bytowscy, 406
 — Kaszubi zach. 401, 434
 — — *Klafcioki* 435
 — — *Korczaacy*, 417
 — Kołobrzeg, 347
 — Krajna, 339, 401
 — Kudowa, Kłodzko, 391
 — Kurpie, 525—528
 — Lachy, *Lęchy*, 455—598
 — Lasacy tucholscy, 417
 — lubuski pow. 339
 — Łañcut, 590
 — Łemkowie, 412, 431, 435, 441
 — Miastko pow. 399—444
 — myśliborski pow. 339
 — Piła pow. 339
 — Podhale, 445—447

Polska,

- *Pomarenki*, 435
 — Pomorze, 9—18
 — Pomorze gdańskie, 406, 407
 — Pomorze zach. 321—366, 451—474, 584—589
 — patrz też Hinterpommern, 277—297
 — Pomorza zach. ludność 468
 — Powiśle, 341
 — Puszcza: drawska, goleniowska, mirowska, nadnotecka, tucholska, Turzy las, wkrzańska, wolińska, zarzęcicka, 322, 339
 — pyrzycki pow. 339
 — rzepiński pow. 339
 — Rzeszowskie, 597
 — Słowińcy, 403, 434, 471
 — Słowińcy znad Łeby, 465
 — Słupsk, 403
 — stargardzki, pow. 339
 — Strzelin k. Wrocławia, 390
 — sztumski pow. 339
 — Szczecin, 347, 452, 584—589
 — Wałcz, pow. 339
 — Wejherowski pow. 406
 — Wielkopolska, 619, 632—635
 — Wolin, 332, 347
 — ziemia bytowska, 399, 401
 — ziemia cziuchowska, 399, 401
 — ziemia limanowska, 608
 — ziemia lęborska, 465
 — ziemia łańcucka, 592, 626—632
 — ziemia sławneńska, 399, 401
 — ziemia słupska, 399, 401
 — Ziemie Odzyskane, 387—399, 451—474
 — Złotów, 290, 339

INDEKS RZECZOWY

- Adaptacja kulturowa, 440—441, 468
 Agrest, 58
 AN—ZSRR, 496
 Akcent połabski, 262, 272
 Albańska wspólnota patriarchalno-rodowa, 494
 Alkowa, 149
Ałaczyk, jurta Kumyków, 481
 Analiza folklorystyczna, 369—385, 387—399
 — wątków baśniowych, 367
 Ankieta nazw grupowych, 443
 Antagonizm regionalny, 469
 Antropologia, 531, 552
 Archeologiczny atlas świata, 550
 Archiwum PTL, 333, 335, 449
Atałyczestwo, opiekuństwo tatarskie, 505—506
 Atlas antropologiczny świata, 550
 — etnograficzny niemiecki, 453
 — — polski, patrz P.A.E.
 — etnologiczny świata, 550
 — gwar, 172
 — polskich strojów ludowych, 525—528, 630
Ausruttung, 10 patrz też *Drang nach Osten*
 Autochtonizacja ludności Pomorza, 470
 Bajka, 497
 — meklenburskie, pomorskie, 367—386
 — słowińska, 465
 Balia, 190
 Baśni niemieckie, 386
 — wątki, 368
 Bat, 203
 Badania ankietowe, 418
 — antropologiczne, 468, 473
 — etnograficzne, 399, 400
 — folklorystyczne, 387—388, 478
 — kontaktów inter-etynicznych, 391
 — nad folklorem radzieckim, 496—502
 — nad jęz. połabskim, 19—256, 257—275
 — nad Małą Panwią, 601
 — nad osadnictwem, 400
 — nad rozwojem etnicznych wspólnot ZSRR, 487—488
 — na Ziemiach Zachodnich, 453
 — socjologiczne, 472
 Beczki, kadzie, 115—116
 — do przechowywania rzeczy, 356—357
 Belka, 141
 Bić, *bijak*, *bojewica*, 48
 Bicie, chłosta, 203, 204
 Biografia Morgana, 481
 Biżuteria, 173—174
 Bohaterowie opowiadań, 369, 472
 Boje, 208
Bose antki, przezwisko, 427, 436
 Brona, 41
 — podlaska, 424
 — trójkątna, 359
 Bronowanie, włóczenie, 41
 Brzoskwinia, 57
 Budowanie, 141
 Budownictwo, 141—155, 233
 — drewniane, 431
 — estońskie, 489
 Budownictwo, Kumyków, 481—482
 — lubelskie, 636
 — łódzkie, 610
 — Pomorza, 324—342
 — słownik, 220
 — wiejskie Gruzji, 474—475
 — wielkopolskie, 637
 Budynki gospodarskie, 152—155
 — elementy, 143—146
 Bukwa, orzeszki buku, 91
 Bułka, *gąska*, *korowaj*, 110, 285
 Bursztyn, 404
 Buty, 171
Byczek, *juniec*, *ciotek*, 66
 Bydła grodzenie, 83
 Bydło jako siła pociągowa, 424
 — na pastwisku, 83
 — rogate, *skot*, 59—63
 Byk, 59
 Bylina, 497
 Cep kapicowy, litewski, 360
 Cepy, 48
 Charakter etnograficzny ludności pow. Miastko, 408—424
 Chata klecona, 326
 — rybacka, poleska, 332, 335
 Chleb, 284, 429
 — kromka, skibka, 109—110
 Chlew, 66, 68, 152
 Chłoptwo kołchozowe, 487—488
 Chmiel, 55
 Chodaki, *kurpe*, 348
Chodzenie po slunku, 436
 Chodzić boso, 172
 Chustka, 163
 — do nosa, 167
 — na szyję, 162
 Chusty czołowe, 345
 — naramienne, 440
 Chrust, 95—96
 Chwasty zbóż, 54
 Ciasto, 108
 Ciele, 60
 Cieśla, stolarz, 122, 142
 Cystersi kołbaccy, 347
 Czapeczki, *Mütze*, 161
 Czarownice, 439
 Czasowniki dotyczące: kroju, szycia, 168
 — — jedzenia, 104
 — — rośnięcia, 59
 — — prania, 188, 189
 — — ubierania się, 159, 161
 Czasownikowe formacje na *l*, *ty*, 299—319
Czastuszki, 500
 Czernice, 89
 Czernia, pożywienie, 428
 Czesanie, strzyżenie, golenie, 184—185
 Č.S. Akademia Vêd, 558
 Czopek, korek 116—117
 Czynności młócenia, 49
 Czystość, 234
 Czyścić, chędożyć, trzebić, 46
 Dach, 143
 — dwuspadowy, 336
 — slegowy, 336
 Dąb, 91
 — święty, Romowe, 341
 Demografia Pomorza, 469
 Demograficzne przesunięcia, 462
 Deseczki tkackie, 348, 350, 352
 Dom, *chyża*, 152
 — czwórwnętrzny, 339
 — litewski wąskofrontowy, 339
 — *namas*, kurnica, 325
 — — pomorski, 339
 — szerkofrontowy, 324, 328, 337
 — trójwnętrzny, 339
 — wąskofrontowy, 329, 337
 Dom zrębowy, 335
 — zrębowy łotewski, 330
 — żmudzki, 328, 333, 336, 341

- Domu pomorskiego geneza, 325
Drang nach Osten, 16, 18
 Drelichy pomorskie, 347
 Drewno, kloc, 121
 — materiał budowlany, 141
 — rola, 122—123
 Drożdże, kwas, 108
 Drób, 69—74
 Dróg skrzyżowanie, 194
 Drzewianie, najdawniejsze wiad., 24
 Drzewo jako opał, 95—96
 Duhy, zasięg wschodni, 361
 Dudy, 82
 Dwojaki, 116
 Dwornica, *dvarnaica*, 147
 Dynamika faktów kultur. 482
 Dzbany, *kruż*, 115
 Dzwonienie na burzę, 445—449
 Dzieje etniczne Pomorza, 455
 Dzwonki, amulety, 445
 Dzwonniczki do odganiaania burz,
 445—449
- Ekspansja Połabian Meklenburskich,
 458
 Ekspedycja zach. rosyjska, 477
 Elektryfikacja wsi estońskich, 490
 Emigranci czescy, 390
 Epicka twórczość słow., 501
 Epos, badania, 501
 — serbo-chorwacki, 499
 Etniczne pochodzenie ludności pow.
 Miastko, 399—444
 — przemiany u Selkupów, Chan-
 tów, Ewenków, 491—492
 Etniczna rzeczywistość na Pomorzu,
 469
 — — po II wojnie, 455
 Etnobotanika, 531, 541
 Etnogeneza Słowian, 556
 Etnografia ogólna, 552—554
 — półn. Karpat, 624
 — regionalna, 552
- Etnografia słowiańska, 245
 — sowiecka, 474—496
 Etnograficzna odrębność, 435
 Etnograficzne prace doktorskie, 19,
 635—637
 Etnolingwistyka, 531
 Etnologia, 531
 — agrarna, 541
 — francuska, 530
 — jurydyczna, 532—541
 Etnonim *Słowińcy*, 466
 Etnomuzykologia, 532, 541
 Etnos, 455, 478
- Farbiarstwo, 174
 Film etnograficzny, 552
 Fińska folklorystyczna szkoła, 387
 — kultura ludowa, 506
 — *kurnica*, 329
 Folklor kaszubski, 471
 — kłodzki, 392
 — teoria, 496—502
 — niemiecka, 277—299, 367
 — podręcznik, 503
 Folklorystyka radziecka, 496—502
 — współczesna, 367, 388
 Folklorystyki proces, 497
 Fonetyka połabska, 261
 Fryzjer, golibroda, 185
- Garniec, 62
 Garnki, 114
 Gąsiątka, *piłę*, 70
 Gąska, bułka, 110
 Germanie na Pomorzu, 458
 Germanizacja nazw narzędzi, 34
 — Pomorza, 9—16, 461
 — zach. Polski, 10, 12
 Gęś, *gąs*, 70
 Gлина, 142
 Głównia, 96
 Głód, *glad*, 106
 Gniazdo, 70

- Gospodarka hodowlana, 403
 — sienna, 77—78
 — trójpolowa, 30
 Gospodarstwa gburskie, 12
 Gotowanie, pieczenie, smażenie, so-
 lenie mięsa, 99
 Grabie, 45
 Grabienie, *trebiti*, 45
 Gramatyka histor. j. pol. 248
 — połabska, 243, 258, 271
 Granica Odra—Nysa, 452, 455, 467
 — zach. jęz. połab., 264
 Grody Drzewian, 24
 Grupy zróżnicowanie, 434—436
 Grusza, 56, 57
 Gryka, *tatarka*, *bukwita*, *poganka*,
 54
 Grzyby, 91
 Gumno, *daimne*, 47—48
 Guzik, 170
 Gwary pow. Miastko, 432—434
 Gwoździe, 120
- Haczyk, haftka, 170
 Hafty, 431
 Handlarz płótnem, *plutnik*, 138
 Higiena, 183—193
 Historyzm w folklorystyce, 497, 501
 Hodowla owiec, 348
 — pszczoł, 30, 76
 — zwierząt, 59—77, 266
 — — Drzewian, 230—321
 — — słownik, 216—217
 — w statystyce, 63
 Humanizm w naukach o człowieku,
 534
- I.C.O.M. (Międzynarodowa Komisja
 dla spraw Muzeów), 550
 Igła, *jagle*, 168—169
 Imiesłowy w jęz. czeskim, słowac-
 kim, łużyckim, rosyjskim, ukra-
 ińskim, białoruskim, bułgarskim,
 serbochorwackim, macedońskim,
 słoweńskim, 313
 Indeksy wyrazów połabskich, 21
 Instrumenty muzyczne, 557
 Integracja kulturowa, 441
 — proces, 467—468
 Instytut Etnologiczny Franc., 533
 — — Niem. A.N. 513
 — Sztuki Folkloru i Etnografii
 A.N. — USSR, 478
 Inwentarz rybaków na Rugii, 464
 Inwentaryzacja rzeźb podhalańskich,
 626
 — zabytków technicznych, 625
 Izba, *dwornica*, 149
 — *stuba*, 325, 328
 — i pomieszczenia, 147—152
 Izolacja członków rodziny, 485—487
- Jabłko, jabłoń, 56
 Jagnię, 64
 Jagody, 89
 — *bruś[nica]*, *černica*, *malica*, *su-
 nica*, *žeravica*, 91
 Jajko, 73—74
 Jąłowica, 60
 Jarmarki kaszubskie, 405
 Jarzmo, 37, 205
 — kulowe, 361
 — podgarlicowe, 361
 — przyroźne, 361
 — ramowate, 360, 361
 Język kaszubski, 466
 — Krofeya, 465
 — połabski, 19—257, 257—275
 — — dzieje, 263
 — — słowiańskie, 249
 — *stawieński*, *słowiński*, 403
 — staroruski, staroczeski, 20—21
 Jurty karelskie i ostiackie, 326
 — zrębowe, 332
Jużyna, *jużyca*, 98
- Kaczka, 72

Kaczor, 71
 Kamizelka, 163
 Kapelusz, *kłobuk*, 161
 — filcowy, 432
 Kapelusze kaszubskie, 440
 Kapelusznik, 167
 Kapłon, 69—70
 Kareta, 199
 Kasz gatunki, 92
 Kądział, 130
 Kąkol, 51, 54
 Kapanie, 184
 Kiełbasa, 99—100
 Kiernoz, 65—66
 Kij pasterski, *krepulec*, 81—82
 Kijanka, pralnica, 189
 Kijanki lekkie i ciężkie, 361
 Kipieć, 104, 105
 Kiszki, 99—100
Klanzei, 155, 156
 Klepisko, *tło*, 48
 Klin, zatyczka u radła, 36, 37
 Kłębek, 131
 Kłoda, becзка, 115
 Kłos, 54, 55
 Kobyła, 68
 Kogut, 70
 Kolacja, wieczerza, 98
 Kolonizacja niemiecka pow. Miast-
 ko, 405
 Koła wozu, 199
 Kołacz, 111, 285
 Koidra, 175
 Kołeczki u krosien, 137
 Kolnierzyk, 165
 Kołowrotek, *sokadło*, 133
 — fińskie, 511—513
 Kołyska, 174
 Kompozycja pieśni ros., 499
 Komunikacja na wodzie, 208—209
 Komuny rybackie, 513—525
 Konferencja etnogr. w Szczecinie
 452

— Międzyn. Pomorza, 400
 Kongres Międzyn. Amerykanistów,
 543
 — — w Filadelfii, 530
 — — w Paryżu, 479—480, 429—541,
 548, 549
 — — w Moskwie, 480, 530, 552, 557
 — — Sławistów w Moskwie, 267,
 — — — w Sofii, 296—297, 556
 Koń, 66—69, 201—202
 — do zaprzęgu, 424
 Konopie, 55
 Kopanie ziemi, 34
 Konstrukcja ryglowa, 335, 339
 — słupowa, 334
 — ślemieniowa, 335
 Kontakty czesko-polskie, 389
 Kora drzew, 123—124
 Korale, naszyjnik, 173
 Korki, *korczy*, 427, 430
 Kosa, 44
 Kosiarz, *siekarz*, *sečnik*, 43, 44
 Kosisko, 44
 Kosze, siatki, 86, 196
 Koszule, 164, 165
 Koszykarz, 124—125
 Kot, 75
 Kotły, 114
 Kowalstwo, 139, 431
 — wielkopolskie, 636
 Koza, 65
 Koża, 60
 Kożuch, 164
 Krajkii pomorskie, litewskie, 344, 345
 Krawiec, *snider*, 167—168
 Kronikarze polscy, 24
 Krosna elementy: niecielnice, pło-
 cha, bardo, przybijaczka, nawój
 tylny, przedni, podnóżki, 134—
 137
 — poziome, 134—137
 Krowa, *korvo*, 59—60
 Krupy, kasza, 91, 92

Krycie dachu, 335
 Krzesanie ognia, 94—95
 Krzesiwo, 94
 Krzesło, 177
 Krzyż, *krosan*, 173
 Kucharz, 105—106
 Kuchnia, 105—147
 — czarna, 324, 328, 330, 332, 336,
 337, 339
 — letnia, 330
 Kultura antyczna, 574
 — Bałtów, 321
 Kultura ceramiki grzebykowej, 337
 — Drzewian połabskich, 19—256
 — iberyjska, 564—565
 — Kumyków, 481—482
 — materialna Łotwy, 636
 — łużycka, 337, 361, 456—457
 — pomorska, 457
 — Pomorza zach. 321—366
 — powiatu Miastko, 422—424
 — przeworska, 457
 — rybacko-myśliwska, 362
 — Warmii i Mazur, 615
 — Wielkopolski, 619
 — wsi Świętniki Górne, 636
 Kur, *slepajca*, 69
 Kurcze, 70
 Kurnice mieszkalne, 330, 334
 — łołewska, 338
 Kwoka, 69

Lada, nowina, 30
 Lampa, 182
 Lejce, 207
 Lemiesz, 38
Ledo, 43
 Len, konopie, 55, 125—126
 — słownictwo połabskie, 20
 — nasienie, siemie, 129
 — wyprawa, 20
 Literatura ludowa ukraińska, 476
 Litewska *pirtis*, 327, 334

Lud łańcucki, 631
 Ludność Pomorza, 470
 — pow. Miastko, 404—408
 — repatriowana, 411
 — ukraińska, 425, 429, 440
 Lustro, 182

 Łańcuch, 207
 Ławka, 177
 Łaźnia, *pirtis*, 325, 328, 332, 364
 Łódzie, 85, 208
 — rybackie, 522
 Łopata do chleba, 108—109, 248
 — *süpa*, *Schuppe*, 33
 Łotewskie zwyczaje rodzinne, 482—
 485
 Łóżko, pościel, 175—176
 Ług, 190
 Łyko, 124
 Łysy, 185
 Łyżka, nóż, widelec, 115

 Magłownica, 354
Maltuve-komora, 325
 Maliny, *molaine*, 89
 Małżeństwa mieszane, 469
 Mapa antropologiczna Europy, 534
 — Wendlandu, 22, 25
 Masło, 62, 101
 Maszoperie niewodów, 516
 Mazurzenie w jęz. połabskim, 261
 Metale, 139—140
 Metoda kartograficzna, 507
 — porównawcza, 388
 — typologiczna, 324
 Metodologia marksistowsko-leni-
 nowska 478
 Miary nici, 132
 Miasto, miasteczko, 158, 159
 Miech, mieszek, 52
 Miedza, 32
 Miejsce do prania, 189
 — wypasu, 78—79

- Mieszkanie, 150
 Międlenie Inu, 126—127
 Międzynarodowa Komisja Karpacka, 603
 — Konferencja Pomorzoznawcza, 451—474, 584—589
 — Unia Nauk Antropologicznych i Etnologicznych Komitety Narodowe, 535—540
 — Stała Rada, 534—535
 — — — Uchwały 541—544
 — — Statut, 545—548
 Mięso, 62, 98—100
 Migracje ludności, 408—416, 424
 — na Pomorzu, 471
 — powojenne, 400—440, 454
 Millennium Poloniae, 451—452, 584
 Miotła, kiść, 109
 Miód, *med*, 77, 113
 Miski, talerze, 115
 Mleć, *mlat*, 93
 Mleko, 62, 64
 Młoczek, *Dreszer*, 48
 Młocka, 48—49
 Młócenie, *bait*, bić, 48
 Młot, 119, 120
 Młynarz, *malnek*, 93—94
 Młynki, młyny, *malnaica*, 92—94
 Moczenie bielizny, 189
Morinci, ryba, 428
 Morze, 85
 Most, grobla, 195
 Motanie przędzy, motowidło, 131—132
 Motyka, kopaczka, 33
 Motywy zdobnicze, antropomorficzne i zoomorficzne, 509
 — hafty, 528
 Muchy, komary, 192—193
 Mur, 141
 Murarz, 142
 Musée de l'Homme, 533
 Muzeologia, 532
 Muzeum antropologiczne w Petersburgu, 550
 — Pomorza zachodniego, 346, 352, 359, 360
 — ukraińskie, AN-USRR we Lwowie, 478
 Mycie, kąpanie, 183—184
 Mydło, 184
 Myślistwo, 88
 Nabiał, 62, 101—102
 Naczynia do picia, 115
 Naczynia kuchenne, 113—117
Namas lit. domek, kurnica, 325, 328, 339
 Napoje, 112—113
 Narzecze Drzewian załabskich, 262
 Narzędzia, do orania, 359
 — przy ogniu, zgrzebło, szczypce, kleszcze, 95
 — rybackie, 358
 — tkackie, 348
 Nawój tylny i przedni, 136
 Nawóz z wrzosu, 29
 Nazwa dróg, 193—194
 — Kaszuby, 321
 — Kurp, 527
 — miejscowe słowiańskie, 23
 — słowiańskie w gwarach niem., 150—152
 Nici, 133—134, 169
 Nicielnice, 134
 Niwa, *naiva*, pole, 31
 Nowina, 32
 Nosówki słowiańskie, 30—31
 Nosze, nosidla, 195—196
 Nożyce, 169
 Nóż, strug, 117
 Obecgi, kleszcze, 120
 Obiad, 97—98
 Obrazy, 183
 Obróbka, kamieni, 138—141

- Obróbka nici 124—125
 — surowców, 117—140, 232
 — słownik, 219—220
 — wełny, 507—513
 — włókna, 125—130
 Obrzędy lotewskie, 482—485
 Obuwie, 171, 426, 427
 Obyczaje Adygejców, 485—487
 Oddział PTL w Gdańsku, 599
 — — w Katowicach, 601
 — — w Kielcach, 602
 — — w Krakowie, 602
 — — w Limanowej, 607
 — — w Łańcucie, 626
 — — w Łodzi, 609
 — — w Olsztynie, 616
 — — w Opolu, 616
 — — w Mszanie Dolnej, 610
 — — w Poznaniu, 618
 — — w Szczecinie, 452, 474, 620
 — — w Toruniu, 621
 — — w Warszawie, 623
 — — we Wrocławiu, 624
 — — w Zakopanem, 625
 Odrębność Pomorza, 464
 — Słowian Połabskich, 24
 Odzież, 159—174, 233—234
 — dziecięca, 166
 — pomorska, 342—348
 — słownik, 220—221
 — zwierchnia, 162—164
 Ogier, 67
 Ognia niecenie, 94—97
 Ogniska otwarte, 107—108
 Ogradzanie, 58
 Ogrodnictwo, 33, 34, 52—53
 Ogród, 42
 Okolnica *Rundling*, 24, 155—156
 Onomastyka, 21
 Opałanie Inu, 50
 Opasanie bydła, 61
 Ornament geometryczny, 352—354
 — deseczek tkackich, 349, 350
 Ornament w drzewie, 356
 Osada za wsią, *kurice*, 157
 — kształt, Drzewian, 24
 Osadnicy Kociewscy, 420
 Osadnictwo niemieckie, 465
 Osełka, 45
 Osioł, 202
 Ostreżyny, 89
 Ostroga i podkowa, 172, 207—208
 Oświetlenie izby, 180—182
 Owca, 63—64
 Owczarz, 80
 Owoc, *sadovina*, 56
 Owoce, leśniówki, orzechy, tarniny, 90
 Ozdoby szczytowe, *pazdury*, 340, 341
 Pakuły, 128—129
 Palenie wrzosowisk, 28
 Palenisko, 146
 — piece, 636
 Pantofle, 171
 Paralele połabsko-polskie, 271
 Paralelizm połabsko-słoweński, 262
 Park Etnograficzny w Olsztynku 333
 Pas, 164
 Pasiak na zapasę, 344
 Pasięka, 76
 Pasożyty, 64, 191
 Pasterstwo, 78
 — organizacja, 80—84
 — szalaństwo Tatr 636
 Pasterz, 78
 — bydła rogatego, 79—80
 — koni, 80
 — kóz, 80
 Pastwisko, *brezinka*, 79
Patryja, wzgórze, 630
 Pazdur, *šparogi*, 361
 Paździerze, 127—128
 Periodyzacja dziejów Pomorza, 460
 — — etnografii ukr. i ros. 475—479
Pępkowe, patrz Zwyczaje urodzinowe

- Piece, 145—146
 — piekarski, 145
 Pieczywo, 108—111
 Piekarnik kaszubski, 337
 Piekarz, 111
 Pieluszka, 166
 Pierścień, 173
 Pierze, 73, 440
 Pies, 74—75
 Pieśń ludowa, 497
 — obrzędowa, 499
 Piła, strug, 120
 Piskle, 70
 Piwo, 112—113
 Piacek, 111
 Plan wsi połabskiej, 22
 — zagrody rybackiej, 325
 Plemiona lechickie, 257
 Pieśń w chlebie, 110
 P'lewienie, 43
 Pluskwa, pchła, wsza, 191, 192
 Płachta biała, 342, 343
 Płacić płótnem, 345
 Płot pleciony, 154
 — tyn, 135—155
 — typy, 154—155
 Płótno, 137—138
 — bielenie, 29
 — słowiańskie, 345
 Pług, 35, 38, 99
 — połabski, 39
 Płuzyca dwuręczna, 360
 Płużyć, czasownik, 40
 Pochodzenie ludności Barkocin, 418
 — — Biała, 415
 — — Cetyń, 411
 — — Dretyń, 413
 — — Kramarzyny, 409
 — — Łubna, 418
 — — Miastko, 414, 420
 — — Miłocic, 416
 — — Piaszczyzna, 410
 — — Plocko, 411
 — — Podgórze, 410
 — — Starkowa, 416
 — — Swieszyna, 415
 — — Trzcina, 416
 — — Wiatrołomu, 418
 Podcienia, 339
 Poddasze na siano, 152—153
 Podeszwa, 171
 Podobiadek, *pridjauzainak*, 97
 Pogacze, pieczywo, 111
 Pokarmy roślinne, 102—103
 Pokosy, 46
 Pokrzywa, *zavica*, *kopřiva*, 90
 Polano, drewno, 95
 Polityka pruska na Pomorzu, 9—18
 Polonizmy w czeskim, 396—398
 Pole, *puli*, *polje*, 31
 — zaorane, 40
 Polska fala osadnicza, 466
 Polski Atlas Etnograficzny, (PAE),
 324, 400, 464, 556, 590
 Polski Komitet Narodowy
 M.U.N.A.E., 538, 540, 549
 Polskie Towarzystwo Ludoznawcze
 (PTL) 400, 452, 477, 584
 Połabska pieśń ludowa, 260
 Połabskie osobliwości, 212—214
 Połowy wspólne, 522—523
 Południce, 439
 Pomieszczenie bydła, 61
 Pomieszczenie koni, 68
 — użytkowe, 150
 Pomorzoznawstwo, 451—474, 584—
 589
 — badania, 465
 Pończochy, 165
 Popiół, *zarzewie*, *żerzawie*, 97
 Pory roku Drzewian, 267
 Porzeczeki, *smordlaine*, *smrodzina*, 90
 Posiłki, 97—98
 Postęp techniczny w rolnictwie, 442
 Postronki, 207
 Potraw smak, 106

- Powrósło, przewiasło, 46
 Poziomki, *saunaica*, 89
 Pożywienie kaszubskie, 428
 — jarzynowe, 429
 — resztki, 84
 Półkoszki, 198
 Pracza, 190
 Pradom litewski, 326
 Praojczyzna Słowian, 456
 Pranie, 188—190
Prising, *preseka*, 155—157
Presek, sad, 55
Preylabe, 37
 Proces adaptacji i integracji, 454
 — wyrównawczy, 470
 Proso, jagły, 92
 Pszczelarstwo, 75, 637
 Pszczoła, *pcela*, 75, 77
 Pszenica, 54
 Przędka, 132—133
 Przejście, chodnik, 194—195
 Prześcieradło, płachta, 176—177
 Przewiska grupowe, 427
 Przędzenie, przęśliina, 130
 Przędzy wyrób, 130—133
 Przęśliica, 130—131, 351, 352
 — iglicowa, 360
 — kręzołkowa, 352, 360
 — łopatkowa, 352, 353, 360
 — okółkowa, 352, 353
 — widełkowa, 352
 Przęślić typy, 507—513
 Przycieś, zastrzał, 143—144
 Przygotowanie krup, mąki, 91, 94
 — potraw, 98—108
 Przyprawy, 103
 Przysłowia, 497
 Radlica, 35, 359, 360
 Radio, 35, 361, 635
 — krój, 37
 Radio połabskie, 39
 — zasięg, 35
 — typ meklenburg. 35—37
 Fama z przybijaczką, 135
 Rasy bydła hodowlanego, 406
 Rataj, oracz, 40
 Rąbanie drzewa, 95
 — łupanie, 121—122
 Rekonstrukcja kultury połabskiej,
 19—265, 465
 Relikty kultury ludowej, 399—400
 — słowiańskie, 91
 Repolonizacja, 440
 Rewolucja Październikowa, 477, 486,
 491
 Rezerwat słow. na Rugii, 348—350
 Rękawice, 165
 Rodzina albańska, 493
 — Drzewian, 268
 Rola, 40
 Rolnictwo, 53—55
 — Połabskie, 35—42
 — pow. Miastko, 423, 424
 Rosyjskie Towarzystwo Geograficz-
 ne, 477
 Rośliny dyniowate, 53
 — hodowlane, 52—55
 — okopowe, 52—53
 — nazw pochodzenie, 53
 — przemysłowe, 55
 — strąkowe, 52
 Rów, okop, 195
 Roszenie płótna, 137
 Rozkład kultury ludowej, 484
 — twórczości prozaicznej, 390
 Rozpalanie ognia, 96—97
 Rozplanowanie wnętrza chałupy, 331,
 333, 338
 Rożny, 114
 Rubież etnograficzna, 321
 — na Wiśle, 360
 — północno-wschodnia, 361
 — zachodnio-kaszubska, 400

- Rundling, patrz Okolica,
Rybak, 85
Ryb nazwy niem. 87
— — słowiańskie. 86—87
— spożywanie, 87
Rybolówstwo, 29, 84
— estońskie, 488—491
— kaszubskie, 432
— Rugii, 513—528
— żakowe, 517
Rydel, szpadel, 33
Ryga, dom estoński, 489
Ryk, buczeć, 61
Rymarz, 207
Rzeczowniki określające żywienie,
104
Rzek nazwy, 84—85

Sad, *klancai*, 55, 56
Sadownictwo, 55—56
Sadzenie, 58—59
Sakiewka, 167
Samiec, samica, 59, 60
Sanie, 197
Schody, 145, 209
Sesja Naukowa w Łańcucie, 597—
599, 627—633
— — w Poznaniu, 618—619, 632—
635
Ser, *saro*, 62, 64
— kozi, 65
— serwatka, 101—102
Serweta, obrus, 178—179
Siekiera, 117—118
Siana sprzęt, 78
Sianie, sadzenie, 42
Siennik, 175
Sierp połabski, 44
Skład ludności Trzebielino, 417, 419
Skop, 63
Skóra na buty, 171
Skrzynia, 180
Skrzynie pomorskie, 356—358
— rybackie, 355
Słoma, 49
Słonina, 65
Słowiańskie nazwy rzek, 23
Słownictwa rodzimość, 62—63
Słownictwo połabskie, 19—256
Słownik Anonima, 22, 149
— etymologiczny jęz. pol. 242
— — połabski, 645
— — 255
— gwar. pół. 31
— — Radkowiec, 602
— Henniga, 22
— Kücka, 148
— Lindego, 30
— narzecza słowińskiego, 315
— niemiecki, 243, 248, 255
— Parum Schultze, 22
— Pfeffingera, 22
— staropolski, 254
— warszawski, 243
— wyrazów prasłowiańsk. 215—229
— polski, czeski, kaszubski, łużycki,
ruski, słowiński, serbochor-
wacki, słoweński, bułgarski, 255
Smary, 199—201
Snopy, 46, 49
Socha, 31, 635
Société d' Anthropologie, 530
— Ethnographique, 533
— Observateurs de l'Homme, 533
Spichrz, *kletis*, 325, 328
Spinki, fińskie, łotewskie, 348
Spław drewna, 636
Spodnie, 164
Spółdzielnie rybackie, 524
Spółki rybackie, 519—525
Społeczny protest w bajkach ludo-
wych 367—386
Sprzęty, 174—183, 234
— domowe, 429—430
— kuchenne, 114—115

- Sprzęty piekarskie, 108—109
— słownik, 221
Sprzęt żniwiarski, 47
Stajnia, 152
Staw, 85
Stawidło, 125—126
Stępa, 91
Stodoła, 153
— podcieniowa, 341
Stolarz, 142
Stos drzewa, sążeń, 96
Stopień, podnózek u krosien, 135
Stół, stólek, 177—178
Strefa bałtycka, 329, 331, 333
Strój, 159
— estoński, 490—491
— głowy, 343, 161—162
— kąpielowy, 164
— kurpiowski, 525—528
— lubuski, 635
Strumień, 85
Studnie, 94
Strzemię, 206—207
Strzyc, strzyżenie, 170, 187—188
Strzyżenie owiec, 64
Suczka, 75
Suknia, 163
Surdut, sukno, 162—163
Suszarnia zboża, 325
Suszenie bielizny, 190
Suszenie, suszarnia, 126
System gospodarki połabskiej, 41
Szafa, 180
Szałasy, 332, 334
— łapońskie, 332
— *listnica*, 153
Szczapa, trzaska, 95
Szczekanie, 74, 75
Szczotkowanie, 190
Szewc, 172
Szklarz, 143
Szle, 206
Szłyki, rozłupy, 343—345
Sznurowadła, 172
Sznurówki, 163
Sznury, powrozy, 129
Szpilka, 162
Szygga, 47

Ściany, okna, drzwi, 144—145
Ścieżka, steczka, 193
Śliwa, *slaivena*, 57
Śparogi łotewskie, 341
Śpichlerze, 51
Środki artystycznego wyrazu, 504
Środowisko geograficzne, 321—323,
401—403
Świecznik, 180—181
Świder, 118—119
Świdrowanie, piłowanie, 122
Świerzb, 75, 192
Świnia, *swaina*, 65
Świniarz, 80

Tabak, tytoń, 113
Taczki, 196—197
Targi, świętomarcińskie, 405
— w Ulszynie, 138
Tawczuj, izba Kumyków, 481
Technologia rolnicza, 636
Tekst nożyński, 465
Teoria odbicia artystycznego, 497
— marksistowska, 465
— migracji, 387
Terminy słowiańskie w jęz. nie-
mieckim, 278—289
Tezy o Słowińcach, 465
Tkactwo, 133—138
— fińskie, 506—513
— kłodzkie, 392
— ludowe pow. Miastko, 403
— pomorskie, 347
Tkacz, 137, 347
Tkanina, 246, 348
— pomorskie i litewskie, 346—348
Tłuszcze roślinne, 100, 103

Topór, 118
 Trąba pasterska, 82
 Tradycja *podkoziotka*, 634
 Trakt, gościniec, 193
 Transport i komunikacja 193—209
 222, 234—235
 — pieszy, 195—197
 Troba, izba z piecem, 328
 Trójpółówka, 41, 42
 Trzoda chlewna, 65—66
 Trzepaczki do lnu, 352, 355
 Trzewiki, patrz Obuwie
 Tuczenie, tucznik, 61, 66
 Tyczki, *rozgvoi*, 43
 Typy, baśni, 386
 — budownictwa, 463
 — domów gruzińskich, 474—475
 — wsi, 155—159
 Twórczość ludowa Opolszczyzny, 616

Ubiór kobiecy, 342, 343
 Uczta weselna, 429
 Udój, 82—83
 Ugór, 41
 Ul, 77
 — słomiany, *koszci*, 431
 UNESCO, 480, 549
 Uniwersytet A. M. w Poznaniu, 400
 — w Charkowie, 476
 — w Kijowie, 476
 Uprawa chemiczna, 32
 — chmielu, 29
 — lnu, 29
 — mechaniczna, 33
 — roli Drzewian, 229—230
 — roślin, 29, 266
 — — słownik, 215
 Uprząż końska, 206—208
 Urbanizacja, 469
 Ustrój rodowy Albanii, 492—493
 Utrzymanie czystości, 221—222
 Uzda, 206

Wabienie ryb, 86
 Walne Zgromadzenie PTL, 452, 590—
 599, 627
 Wałach, 67
 Warianty bajek, 374
 — wątków, 368
 Warsztat szewski, 172
 Warzywa, 102—103
 Wątek i osnowa, 134
 Wątki bajkowe, 368, 373, 594 :
 — *Der Teufel hilft*, AT 820
 — *Nicht-Böse-Werden*, AT, 1000
 — *Starker Hans*, AT 650
 — o kopciuszkę, AT 510 A
 — o kurczaku, Krzyż. 106
 — o ludożercy, AT, 1119
 — o Nebojszy, AT 326
 — o śmierci, AT 332
 — o siostrach, Krzyż, 480 C
 — o szklanej górze, AT, 530
 — o zabłąkanych dzieciach, AT 237
 — o zwierzętach, AT 212+2015
 Wątków badanie, 387
 Wąsy, 186—187
 Wędka, 85
 Węgiel, 95
 Wełna, *vauno*, 64
 Wiadro, 116
 Wiara w moc dzwonów, 445—449
 Widły, *vaidlai*, 32
 Wiedza ludu o gwiazdach, 635
 Wiejaczka, 49
 Wieprz, *vipar*, 66
 Wierzenia ludowe, 438—440
 Wieś połabska, 155—158
 Wino, 113
 Winogrono, *vainava*, 58
 Wiśnia, *vaisena*, 57
 Włóki, 360
 Włókna wyczesywane, 128—129
 — zwierzęce, 129
 Wódka, 113
 WRN Koszalin, Szczecin, 473, 474

Wokabularz kopenhaski, 22
 Woły, 40, 59, 201—202, 424
 Wosk, *vask*, 77
 Wóz, 197—198
 — części, 199
 Wpływy inter-etniczne, 387—399
 — polskie na opowiadania czeskie,
 387—399
 — starożytności na folklor, 572
 Wspólnota bałto-słowiańska, 323
 — pastwiskowe, 403
 — rybackie, 513—525
 Współpraca etnografów z socjolo-
 gami, 473
 Wstążka, *praiwaza*, 170
 Wrzeczona, 130
 — fińskie, 510
 Wykaz członków Stałej Rady i Ko-
 mitetów Narodowych MUNAE,
 535—540
 — literatury połabskiej, 250—253
 — słowników, 254—256
 — zbiorów bajek niemieckich 385—
 —386
 Wykopaliska archeologiczne Gdań-
 ska i Wolina, 332
 — — Santoku i Opola, 332

Zabytki lużyckie, u Bałtów, 323
 — połabskie, 249, 258
 Zagroda, 426
 — litewska, 325
 — pomorska, 337
 — Rysulów, 446, 447
 — stajnia, okólnik, 61—63
 Zajęcia ludności Pomorza, 323
 — — pow. Miastko, 430
 Zakazy, prac rolnych, 426, 427
 — stykania się, 485—487
 Zalesienie Pomorza, 322
 Zamiatanie, 190
 Zapożyczenia niem. w jęz. połab-
 skim, 21, 271

Zapożyczenia słowiańskie w jęz.
 niem. 223—227, 277—297
 — — tiurskie i arabskie 505—506
 Zaprzęg, 201
 Zaprzęganie, 204—205
 Zasięg Prabałtów, 323
 Zawołania na woły i konie, 202—203
 — na drób, 71
 Zbieractwo, 88—91
 Zbieżności hanacko-pomorskie, 299—
 —320
 — połabsko-lechickie, 209—215
 — — słoweńskie, 267
 Zbiory bajek niemieckich, 385—386
 — etnograficzne w Łańcucie 628
 — praw obyczajowych Albańczy-
 ków, 492—493
 Zboże, 53
 — czyszczenie, 49—51
 — kopki, 46
 — nazwy, 54
 — wianie, 49, 50
 — zwózka, 47
 Zdobywanie wody, 94
 — żywności, 84, 231—232
 — — słownik, 217—219
 Zegar, 182
 Zemsta rodowa, 494
 Zespół słowiańsko-bałtycko-fiński,
 463
 Ziarna przechowywanie, 51—52
 Ziemia sołecka, 157
 Ziemniaki, 102
 Złe moce, 439
 Złoto, złotnik, 173, 140
 Zmienność form kulturowych, 482—
 —485
 Zmory, 439
 Zmywanie, 190
 Zrąb: na nakładkę, obłap, rybi ogon,
 335
 Zrębowa technika, 332
 Zupa z mąki, krup, 103

Związki połabsko-słoweńskie 211	Założona opaska biała, 161—162
Zwierząt anatomia, 60	Zarna, 92—93
— oprawianie, 98—99	Zelazo, 139
Zwyczaj, i obrzędy rodzinne, 436—438	Złob, 153
— pogrzebowe, 437—438	Zniwa, 43
— urodzinowe, 437	Zołądz, galasówka, dębiana, 90—91
Zdźbło, stebło, 55	Żupa, żupan, 167
Zrebie, zribac, 68	Życie Połabian, 266
Zródła, 94	Żyto, reż, 53—54
Źródła historyczne, 30	Żywnienie bydła zimą, 83, 84
	Żywności przygotowanie, 266

SPIS TABLIC

	S.
1. Tablica (I). Konstrukcje jurt karelskich i ostjackskich	326
2. Tablica (II). Wygląd zewnętrzny chałup wąskofrontowych	329
3. Tablica (III). Rozplanowanie wnętrza chałup w strefie bałtyckiej	331
4. Tablica (IV). Rozplanowanie wnętrza chałup w strefie bałtyckiej	333
5. Tablica (V). Rozplanowanie chałup wąskofrontowych na Pomorzu Polskim, Litwie i Łotwie	338
6. Tablica (VI). Ozdoby szczytowe typu pazdurów	340
7. Tablica (VII). Elementy ubioru kobiecego w strefie bałtyckiej	344
8. Tablica (VIII). Elementy tkanin przetykanych z Pomorza i Litwy	346
9. Tablica (IX). Formy deseczek tkackich w strefie Pomorza, Litwy i Łotwy	349—350
10. Tablica (X). Formy przęślic pomorskich	351
11. Tablica (XI). Formy przęślic na Litwie i Łotwie	353
12. Tablica (XII). Formy maglownic na Pomorzu, Litwie i Łotwie i spinki sercowate na Łotwie i w Polsce	354
13. Tablica (XIII). Skrzynki rybackie	355
14. Tablica (XIV). Bezcza i skrzynie do przechowywania odzieży i bielizny	357
15. Tablica (XV). Narzędzia do orania z Pomorza i Łotwy	359
16. Tablica (XVI). Szopa na owce z podjazdem i wybudowaną na niej dzwonnica. Kościelisko — Rysulówka	447

SPIS MAP

1. Mapa (1). Das hannoversche Wendland (wg Fr. Tetzner <i>Die Slaven in Deutschland</i> , Braunschweig 1902)	25
2. Mapa (1). Mapa pochodzenia ludności niektórych wsi powiatu Miastko (wg miejsca zamieszkania z 1939 r.)	414
3. Mapa (2). Mapa składu etnicznego niektórych wsi powiatu Miastko (wg samookreślenia ludności) w granicach administracyjnych z 1954 r.	420

SPIS RYCIN

1. Ryc. (1). Radło meklenburskie	36
2. Ryc. (2). Plecionka	154

3. Ryc. (3). Schemat wsi tzw. „okolicy” w hannowerskim Wendlandzie	156
4. Ryc. (1). Plan najstarszej zagrody rybackiej w Kesterazeems	325
5. Ryc. (2). Chałupa z Finmarken XVIII w.	327
6. Ryc. (3). Litewska <i>pirtis</i> gm. Padubisis, pow. Szawle	
7. Ryc. (4). Zewnętrzny wygląd domu zrębowego, Łotwa, okolice Libawy	330
8. Ryc. (5). Chata rybacka z Polesia, r. 1936	335
9. Ryc. (6). Przekrój przez dom żmudzki z XVIII w., Litwa	336
10. Ryc. (7). Zagroda pomorska, Polska, Osiawa-Dąbrowa, pow. Bytów	337
11. Ryc. (8). Biała płachta z Lüneburga	342
12. Ryc. (9). Biała płachta, Polska, Kaszuby	342
13. Ryc. (10). Biała płachta, Litwa	343
14. Ryc. (11). Biała płachta, Łotwa	343
15. Ryc. (12). Deseczka pod kądziel, Polska, Dolne Powiśle	352
16. Ryc. (13). Trzepaczka do lnu z 1825 r. Polska	352
17. Ryc. (14). Brona trójkątna i radlica łopatkowa, Pomorze Zach.	359
18. Ryc. (15). Cep kapicowy, Litwa	360
19. Tabl. barwna. Dom przysłupowy w Markowej pow. Łańcut, woj. Rzeszów, mal. <i>F. Frączek</i>	443
20. Ryc. (1). Zagroda Rysulów — Kościelisko Rysulówka	446
21. Ryc. (2). Chłopska dzwonnica „na burzę” z miejscowości Sól	448
22. Ryc. (3). Chłopska dzwonnica „na burzę” z miejscowości Niedwia (Beskid Śląski)	448
23. Ryc. Ekspozycja ludowych instrumentów muzycznych w Muzeum Morawskim w Brnie	557
24. Fot. Prof. dr Eugeniusz Frankowski	563
25. Fot. Prof. dr Witold Klinger	571
26. Fot. Prof. Janusz Świeży	578
27. Tabl. barwna. Wnętrze chaty garncarza we wsi Medynia Głogowska pow. Łańcut, woj. Rzeszów, mal. <i>F. Frączek</i>	627

TABLE OF CONTENTS

I. Dissertations

Joachim Mai — Vom Übergang zur imperialistischen Polen-Politic Preussen-Deutschlands in „Pomorze”	9
Barbara Szydłowska-Ceglowa — Material folk culture of the Polabian tribe of Drzewianie (Draven-Slavs) in the light of lexical investigations	19
Kazimierz Polański — State of researches on the Polabian language	257
Renate Winter — Slawische Entlehnungen in niederdeutschen Wortschatz des ehemaligen Hinterpommern	277
Jiří Damborski — About some common lingual features in the Pomeranian and Hannackian dialects	299
Agnieszka Dobrowolska — Investigations of the material culture in West Pomerania and of its problems	321
Waltraud Woeller — Sozialer Protest in den Volksmärchens Mecklenburgs und Pommerns	367
Jaromir Jech — Interethnic influence upon folk prose on the reconquered territories	387
Ryszard Kukier — Ethnographic and ethnic changes in the Miastkow District during 1945-1960	399

II. Research work

Józef Gajek — Campanile serving to drive away hailstorms	445
--	-----

III. Reports and reviews

Józef Gajek — Thesis summation of the International Conference on Pomerania	451
SOVIET ETHNOGRAPHY, Academy of Sciences. USSR, part 1, 2 and 3, Moscow, 1961 (<i>Anastazja Kojdecka</i>)	474—482 485—496
SOVIET ETHNOGRAPHY, Academy of Sciences, part 2, page 24-39, Moscow, 1961 (<i>Józef Gajek</i>)	482

RUSSIAN FOLKLORE, Materials and researches. Volume V. Published by the Academy of Sciences, U.S.S.R., 1960 (A. Zyga) . . .	496
W. M. Siedielnikoff, Theory of Russian Folk lyric poetry. Handbook for universities. Utshpiedgiz edition, Moscow, 1959, (A. Zyga)	502
M. M. Sakiyeff, Tiurkie and Arabian vocabulary in the Kabardian and Circassian languages (Z. Ciesielski)	505
Vera Vallinheimo, Das Spinnen in Finland unter besonderer Berücksichtigung schwedischer Tradition, Helsinki, 1959 (Halina Bittner-Szewczykowa)	506
Reinhard Peesch, Die Fischerkommünen auf Rügen und Hiddensee, Akademie Verlag, Berlin, 1961 (Jadwiga Kucharska) . .	513
Adam Chętnik, Kurpian folk costume. Green Forest. Atlas of Polish Costumes, part IV, book 7. Polish Ethnographic Society Wrocław, 1961 (Kazimierz Pietkiewicz)	525
Józef Gajek, The Sixth International Congress of the Union of Anthropological and Sociological Sciences in Paris	529
Resolutions passed by the Permanent Council and presented to the Congress. (K. W.)	542
Statutes of the Congress of the Ethnographical Sciences. (A. L. G.) .	545
Włodzimierz Antoniewicz, Assembly of the Permanent Council of the Union of Anthropological and Ethnological Sciences in Prague, held on 2 and 3 rd — 11th August 1962 .	548

IV. News Items

Professor dr. Eugeniusz Frankowski. (Tadeusz Dziekoński) . . .	563
Professor dr. Witold Klinger. (Tadeusz Wróblewski)	571
Janusz Świeży. (Henryk Zwolakiewicz)	578
Jan Edward Zaremba. (Waldemar Babinicz)	581
Report on the International Conference on Pomerania. Szczecin, 3 rd — 6th September 1960 (Olga Gajkowa)	584
Report on the XXVIIth General Assembly of the Polish Ethnographic Society in Łańcut, held the 28th-29th September 1962, (Piotr Kaleciak)	590
Reports of Polish Ethnographic Society Sections	599
The Region of Łańcut in book, press and water colour (Eugenia Czado)	628
Scientific Session on Ethnography in Poznań (L. M. Szwengrub) .	632
Reprint from the Catalogue of theses on doctor's and privatdocent's degrees. Ministry of Higher Education 1959-1962	635

Miscelanea

Summaries in English and Russian (Eugeniusz Jeleniewski)	639
Table of Contents of the XLVIII volume of the „Lud”. (Olga Gajkowa)	662
Table of drawings and maps	685
Table of contents in English and Russian	687

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Научные статьи

Иоахим Май — О переходе к империалистической Польской политике Пруссии-Германии в „Померании”	9
Барбара Шидловска-Цеглѣва — Материальная народная культура полабских древлян в освещении словарных изысканий	19
Казимеж Поляньски — Состояние исследований полабского языка	257
Рената Винтер — Славянские заимствования в нижненемецком лексикальном составе бывшей Западной Померании.	277
Ижи Дамборски — Об одной общей языковой черте в диалектах поморанском и ганакском.	299
Агнешка Добровольска — Исследования материальной культуры Западного Приморья и ее проблематики.	321
Вальтраут Веллер — Социальный протест в народных сказках Мекленбурга и Померании.	367
Яромир Ех — Интерэтническое влияние на народную прозу на Отвоеванных Землях.	387
Рышард Кукер — Этнографические и этнические перемены в Мясковском уезде в 1945—1960 г. г.	399

II Научные исследования

Юзэф Гаек — Колокольня для отгоняния градовых бурь.	445
---	-----

III Отчеты и рецензии

Юзэф Гаек — Итог тезисов Международной Конференции по изучению Померании.	451
СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ. Академия Наук СССР, тетради 1, 2, 3. Москва 1961. ((Анастасья Койдеука)	474
СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ. Академия Наук СССР, тетрадь 2, стр. 24—39. Москва 1961 (Юзэф Гаек).	482
РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР, Материалы и исследования, том V —, Издательство Академии Наук СССР, 1960 (А. Жига).	496
В. М. Седелъников, Поэтика русской народной лирики. Пособие для Вуз. Учпедгиз, Москва 1959 (А. Жига).	502

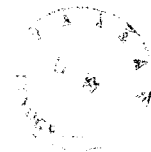
М. М. Сакиев. Тюрская и арабская лексика в кабардино-черкесском языке (З. Тесельски).	505
Вера Валлинггеймо. Ткачество в Финляндии с особым учетом шведской традиции, Гельсингфорс, 1959 (Галина Биттнер-Шевчикова).	506
Рейнгард Пэш. Рыбачьи коммуны на острове Ругии и Гиддензее. Издательство Академии, Берлин, 1961 (Ядвига Кухарска)	513
Адам Хэнтник. Народный костюм курпев из Зеленой Пуши. Атлас Польских Народных Костюмов, часть IV, тетрадь 7. Польское Этнографическое Общество, Вроцлав, 1961 (Казимеж Петкевич).	525
Юзэф Гаек — I Конгресс Международной Унии Антропологических и Этнологических Наук в Париже.	529
— Постановления, вынесенные Постоянным Советом и представленные Конгрессу. (К. В.).	542
— Статут Международного Конгресса Антропологических и Этнологических Наук (А. Л. Г.).	545
Влодзимеж Антонец — Съезд Постоянного Совета Международной Унии Антропологических и Этнологических Наук в Праге в днях 2—3—II августа 1962.	548

IV Хроника

Профессор др Эугениуш Франковски. (Тадзуи Дзеконьски)	563
Профессор др Витольд Клигер. (Тадзуи Врублевски)	571
Януш Свежи (Генрик Зволякевич)	578
Ян Эдвард Заремба (Вальдемар Бабинич).	581
Отчет о Международной Конференции по изучению Поморья, Штетин, 3—6 сентября 1960 (Ольга Гайкова).	584
Отчет о XXXVII Общем Собрании ПТЛ в Ланцуте в днях 28—29 сентября 1962 г. (Петр Калетяк).	590
Отчеты Отделений П.Т.Л.	599
Ланцутский район в книге, прессе и акварели (Эугения Чадо).	628
Этнографическое научное заседание в Познани (Л. М. Швенгруб).	632
Перепечатка из Каталога докторских диссертаций и диссертаций на степень доцента, Министерства Высших Учебных Заведений 1959—1962	635

Смесь

Краткое содержание на английском и русском языках. (Е. Еленевски).	639
Указатель XLVIII тома журнала Люд (О. Г.).	662
Список рисунков и карт.	685
Оглавление на английском и русском языках.	687

ATLAS POLSKICH STROJÓW LUDOWYCH

cena
zł

CZĘŚĆ I POMORZE I WARMIA

1. Agnieszka Dobrowolska — Strój pyrzycki, 1955	22.—
2. Bożena Stelmachowska — Strój kaszubski, 1959	29.—
3. Franciszek Klonowski — Strój warmiński, 1960	27.—

CZĘŚĆ II WIELKOPOLSKA I KUJAWY

1. Adam Glapa — Strój szamotuński, 1951 (wyczerpany)	16.50
2. Adam Glapa — Strój dzierzacki, 1953	27.—
3. Adam Glapa — Strój lubuski, 1956	29.—
4. Halina Mikułowska — Strój kujawski, 1953	25.—

CZĘŚĆ III ŚLĄSK

1. Tadeusz Seweryn — Strój dolnośląski (Pogórze), 1950 (wyczerpany)	13.50
2. Stanisław Bronicz — Strój pszczyński, 1954	29.—
3. Longin Malicki — Strój górali śląskich, 1956	30.—

CZĘŚĆ IV MAZOWSZE I SIERADZKIE

1. Maria Żywirska — Strój kurpiowski Puszczy Białej, 1952 (wyczerpany)	16.50
2. Jadwiga Świątkowska — Strój łowicki, 1953	25.—
3. Jan Piotr Dekowski — Strój piotrkowski, 1954	27.—
4. Janusz Świeży — Strój podlaski, 1958	28.—
5. Jan Piotr Dekowski — Strój sieradzki, 1959	28.—
6. Janina Krajewska — Strój opoczyński, 1956	27.—
7. Adam Chętnik — Strój kurpiowski Puszczy Zielonej, 1960	32.—

CZĘŚĆ V MAŁOPOLSKA

1. Roman Reinfuss — Strój górali szczawnickich, 1949 (wyczerpany)	13.50
2. Franciszek Kotula — Strój rzeszowski, 1951 (wyczerpany)	16.50
3. Janusz Świeży — Strój krzczonowski, 1952	16.50
4. Edyta Starek — Strój spiski, 1954	26.—
5. Franciszek Kotula — Strój łańcucki, 1955	27.—
6. Sebastian Flizak — Strój Zagórzan, 1956	26.—
7. Barbara Kaznowska-Jarecka — Strój biłgorajski, 1958	29.—
8. Janusz Kamocki — Strój sandomierski, 1957	26.—
9. Tadeusz Seweryn — Strój Krakowiaków wschodnich, 1960	32.—
10. J. i M. Kamoccy — Strój świętokrzyski	30.—

LITERATURA LUDOWA

Dwumiesięcznik poświęcony sprawom literatury ludowej, pod red. J. Krzyżanowskiego i S. Świrki. Zeszyty: podhalański, kielecki, rzeszowski, cieszyński, dolnośląski, górnośląsko-opolski, kaszubski, warmiński, lubelski, mazurski, podlaski, pomorski, lubuski, łowicki, mazowiecki, kurpiowski, sieradzko-łęczycki, piotrkowski. Prenumerata roczna 48.—. Zamówienia przyjmuje Redakcja, Warszawa, Nowy Świat 72, pokój 121. Konto czekowe 1-7-110090 lub Oddziały Ruchu.

T. 47/1962

ARCHIWUM ETNO

	cena
	zł
Nr 5. Janusz Kamocki — PRZEGLĄD KWESTIONARIUSZY ETNOGRA- FICZNYCH WYD. W JEZ. POLSKIM, 1953	14.—
Nr 6. Praca zbiorowa — NOWE DROGI ETNOGRAFII RADZIECKIEJ, 1953 (wyczerpany)	
Nr 7. Leopold Węgrzynowicz — MATERIAŁY ETNOGRAFICZNE I HISTO- RYCZNE Z TERENU LIMANOWEJ (w druku)	
Nr 8. Leszek Itman — PRZYCZYNEK DO ZNAJOMOŚCI RZEMIOSŁA BEDNARSKIEGO W POLSCE, 1954	10.—
Nr 9. Leopold Węgrzynowicz — INDEKS „ORLEGO LOTU”, 1958	30.—
Nr 10. Władysław Ziemacki — MATERIAŁY DO HISTORII ODZIEŻY LUDOWEJ 1818—1863, 1956	20.—
Nr 11. Halina Bittner — MATERIAŁY DO BIBLIOGRAFII ETNOGRAFII POLSKIEJ CZŁONKÓW P.T.L., 1955	
Anna Łyszcz — WYKAZ KSIĄŻEK NABYTYCH PRZEZ PTL W LA- TACH 1951—1955	
Zofia Staszczak — ZAWARTOŚĆ ARCHIWUM NAUKOWEGO POL- SKIEGO TOWARZYSTWA LUDOZNAWCZEGO, 1945—1955	25.—
Nr 12. Wiesław Bieńkowski — POPRZEDNICY OSKARA KOLBERGA NA POLU BADAŃ LUDOZNAWCZYCH W POLSCE, 1956	16.—
Nr 13, 14, 15, 16. Praca zbiorowa — BIULETYN INFORMACYJNY POLSKIE- GO TOWARZYSTWA LUDOZNAWCZEGO Nr 1, 2, 3, 4, (wyczerpany)	
Nr 17. Wiktor Schramm — LUDOWE OBRZĘDY WESELNE WE WSIACH DOLINY HOCZEWKI I TARNAWKI ZIEMI SANOCKIEJ, 1958	20.—
Nr 18. Stanisław Bąk — WESELE LUDOWE W GRĘBOWIE — SANDO- MIERSKIE	25.—
Nr 19. Olga Gajkowska — JAN KARŁOWICZ I LUDWIK KRZYWICKI JAKO REPREZENTANCI DWU NURTÓW W ETNOLOGII POLSKIEJ (wyczerp.)	20.—
Nr 20. Julian Bartyś i Irena Turnau — MATERIAŁY DO HISTORII ODZIEŻY LUDOWEJ PŁ-WSCHD. WIELKOPOLSKI	30.—
Nr 21. Teresa Śludowska-Muzyk — BARTNICTWO W PŁN.-WSCH. EUROPIE ZE SZCZEGÓLNYM UWZGLĘDNIENIEM POLSKI	25.—
Nr 22. Józef Gajek — TRANSPORT I KOMUNIKACJA LĄDOWA — kwe- stionariusz Nr 5 dla celów Polskiego Atlasu Etnograficznego (wy- czerpany)	30.—
Nr 23. Anna Łyszcz-Wirpszowa — NABYTKI BIBLIOTEKI P.T.L. W LA- TACH 1956—1959	25.—
Nr 24. Józef Babcz — NAUKA O LUDACH FRYDERYKA RATZLA	30.—
Nr 25. Maria Hensłowa — ROŚLINY DZIKO ROSNĄCE W KULTURZE LUDU POLSKIEGO	20.—

BIBLIOTEKA POPULARNA

Nr 1. Józef Burszta, OD OSADY SŁOWIAŃSKIEJ DO WSI WSPÓŁCZESNEJ	30.—
Nr 2. Alfred Zaręba, PRACA DIALEKTOLOGA W TERENIE	10.—
Nr 3. Adam Głapa i Alfons Kowalski — TAŃCE I ZABAWY WIELKO- POLSKIE	46.—
Nr 4. Aleksander Lech Godlewski — DROGI SYNÓW SŁONCA...	30.—
DZIEŁA WSZYSTKIE O. KOLBERGA	40.—

Zamówienia nadsyłać na adres:
POLSKIE TOWARZYSTWO LUDOZNAWCZE
WROCŁAW, NANKERA 4